Влюбись в меня

Автор:
Дженнифер Арментроут

Влюбись в меня

Дженнифер Ли Арментроут

Main Street. Коллекция «Скарлет»Жду тебя #4

В жизни Рокси полно проблем. Ее друг детства, ставший жертвой преступления, уже никогда не вернется к нормальной жизни. Его обидчик, человек, которого Рокси ненавидит больше всех людей в мире, выходит на свободу. А после ночи, проведенной с мужчиной, в которого она была влюблена с пятнадцати лет, Рокси мечтает только об одном – навсегда вычеркнуть это воспоминание и этого человека из своей жизни. Но судьба снова и снова сталкивает девушку с офицером Рисом Андерсом. Рис готов пойти на все, чтобы быть с ней, охранять и оберегать ее, но Рокси привыкла со всем справляться сама. Внезапно жизнь девушки оказывается под угрозой. Возможно, это шанс для него, но согласится ли Рокси впустить Риса в свою жизнь?..

Дженнифер Ли Арментроут

Влюбись в меня

Jennifer L. Armentrout

FALL WITH ME

Copyright © Jennifer L. Armentrout, 2015

© Е.Фоменко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Не прошло и десяти минут, как я плюхнулась в мягкое плюшевое кресло в залитой солнцем приемной, а в поле моего зрения попали поношенные белые кроссовки. Я как раз разглядывала темный деревянный пол и думала, что частные медицинские центры, должно быть, приносят немало денег, раз им по карману такие дорогие полы.

Впрочем, родители Чарли Кларка уж точно не скупились, когда речь шла о долгосрочном уходе за их единственным сыном. Они определили его в лучший медицинский центр Филадельфии. Наверняка они каждый год тратили на его содержание астрономические суммы, которые уж точно не шли ни в какое сравнение с моими скромными доходами от работы барменом в баре «У Моны» и подработки дизайнером сайтов.

Я думаю, что таким образом они искупали свою вину за то, что посещали Чарли всего раз в год, да и то проводили с ним от силы минут двадцать. Меня нельзя было назвать великодушной, ведь я едва умудрялась скрыть раздражение, которое испытывала всякий раз, когда вспоминала о его родителях. Подняв глаза, я увидела радушную улыбку на лице медсестры. Но как ни старалась, так и не узнала ни медных волос, ни пронзительных светло-карих глаз.

Медсестра была новенькой.

Она посмотрела на мою макушку, и ее взгляд чуть дольше положенного задержался на моих волосах, но улыбка не исчезла. Не то чтобы у меня была настолько безумная прическа. Несколько дней назад я сменила темно-красные перья на широкие фиолетовые пряди, но в завязанном наспех небрежном пучке все это и правда смотрелось странно. Накануне я закрывала бар, поэтому домой пришла лишь в начале четвертого утра. Проснуться, почистить зубы и умыться, прежде чем отправиться в город, стало для меня едва ли не непосильной

задачей.

– Роксана Арк? – спросила медсестра, остановившись передо мной и сцепив руки.

Моя голова на мгновение перестала соображать, когда я услышала свое полное имя. У меня были странные родители. Не удивлюсь, если в восьмидесятых они сидели на наркоте. Меня назвали в честь песни «Роксана», а имена моих братьев – Гордон и Томас – вместе складывались в настоящее имя Стинга.

– Да, – ответила я и потянулась к своей сумке.

По-прежнему улыбаясь, медсестра показала на закрытые двери.

– Сестра Вентер сегодня на больничном, но она сказала, что вы приходите каждую пятницу в полдень, так что мы подготовили Чарли.

– С ней все в порядке? – встревоженно спросила я.

За шесть лет регулярных посещений мы с сестрой Вентер успели сдружиться. Я даже знала, что ее младший сын в октябре наконец женится, а в прошлом месяце, в июле, у нее родился первый внук.

– Она слегла с простудой, – объяснила мне медсестра. – Вообще-то, она хотела сегодня прийти, но мы решили, что ей лучше отдохнуть и поправить здоровье в выходные. – Она отступила в сторону, когда я встала с кресла. – Сестра Вентер сказала, что вы часто читаете Чарли.

Я кивнула и крепче сжала сумку в руках.

Остановившись у дверей, медсестра достала свой пропуск и приложила его к датчику на стене. Раздался хлопок, после чего она толкнула одну из дверей.

– Последние пару дней он чувствовал себя неплохо, хотя и не так хорошо, как нам хотелось бы, – продолжила она, когда мы вошли в широкий, ярко освещенный коридор. Стены были белыми и гладкими. Никаких отличительных признаков. Вообще ничего. – Но сегодня он проснулся рано.

Мои неоново-зеленые тапки громко шлепали по полу, а кроссовки медсестры не издавали ни звука. Мы миновали коридор, который вел в общую комнату. Чарли совсем не любил там бывать, что было довольно странно, ведь до… несчастного случая он с легкостью становился душой любой компании.

Он был замечательным.

Палата Чарли находилась в конце другого коридора, в крыле, которое специально построили таким образом, чтобы из окон открывался вид на прекрасный зеленый пейзаж, а рядом находился лечебный бассейн, который Чарли не нравился. Он и раньше не так часто плавал, но теперь всякий раз, когда я видела на улице этот чертов бассейн, мне хотелось врезать кулаком по стенке. Не знаю, в чем была причина, – может, потому что все мы принимали свое умение плавать как должное, а может, потому что вода всегда казалась мне безграничной, в то время как будущее Чарли было ограничено со всех сторон.

Медсестра остановилась возле закрытой двери в его палату.

– Если соберетесь уходить, процедуру вы знаете.

Я действительно ее знала. По дороге к выходу я должна была отмечаться в журнале у медсестер. Видимо, таким образом они хотели удостовериться, что я не пытаюсь выкрасть Чарли. Радостно кивнув мне, медсестра развернулась и уверенной походкой пошла обратно по коридору.

На секунду задержавшись у двери, я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Мне приходилось делать это перед каждой встречей с Чарли. Только так я могла избавиться от переизбытка чувств: от гнева, печали и разочарования. Я не хотела, чтобы Чарли их видел. Порой у меня ничего не выходило, но я всегда хотя бы пыталась взять себя в руки.

Только решив, что уже могу улыбнуться нормальной, не безумной улыбкой, я открыла дверь. Когда я увидела Чарли, мне в очередной раз показалось, что меня ударили под дых. Так происходило каждую пятницу на протяжении последних шести лет.

Он сидел в кресле перед огромным окном от пола до потолка. Это было его кресло – кресло-папасан, с ярко-синей подушкой. Он получил его на шестнадцатый день рождения, всего за несколько месяцев до того, как его жизнь полностью изменилась.

Чарли не взглянул на меня, когда я зашла в палату и закрыла за собой дверь. Он никогда не оборачивался.

Палата была довольно хорошей: просторная, с широкой кроватью, аккуратно заправленной одной из медсестер, со столом, который он никогда не использовал, и телевизором, который я ни разу не видела включенным за все прошедшие шесть лет.

Сидя в кресле и глядя в окно, он казался совсем исхудалым и хрупким. Сестра Вентер говорила мне, что им непросто заставить его плотно питаться три раза в день. Однажды они попробовали поменять ему режим питания на пять более скромных приемов пищи, но не сработало и это. Год назад дела были так плохи, что им пришлось кормить его через трубку. Я до сих пор прекрасно помнила, как боялась его потерять.

Его светлые волосы чистые, но в беспорядке, и подстрижены короче, чем он обычно носил. Чарли любил, когда у него на голове был творческий хаос, который ему чрезвычайно шел. Сегодня он одет в белую футболку и серые спортивные штаны с резинками на щиколотках – боже, да Чарли закатил бы истерику, узнай он, что когда-нибудь наденет такое, ведь у Чарли… У Чарли был свой стиль, и вкус, и много чего еще.

Я подошла ко второму креслу с такой же синей подушкой, которое купила три года назад, и вздохнула.

– Привет, Чарли.

Он не взглянул на меня.

Разочарования не было. Да, конечно, я подумала, что это несправедливо, но на меня не накатила новая волна всепоглощающего отчаяния, потому что все шло как всегда.

Я села и поставила сумку между ног. Вблизи он казался намного старше своих двадцати двух лет. Осунувшееся лицо, серая кожа, глубокие тени под некогда живыми зелеными глазами.

Я снова глубоко вздохнула.

– На улице сегодня ужасно жарко, так что не смейся над моими самодельными шортами. – В былые времена он заставил бы меня переодеться, прежде чем появиться на публике. – Синоптики говорят, что в выходные температура побьет все рекорды.

Чарли медленно моргнул.

– Еще обещают страшные грозы.

Сложив руки, я взмолилась, чтобы он взглянул на меня. Порой он не смотрел на меня ни разу за встречу. Он не смотрел на меня уже три пятницы, и это пугало, потому что в прошлый раз он так долго не замечал меня, когда у него был страшный приступ. Возможно, те две ночи не имели с этим ничего общего, и все же мне становилось не по себе. Тем более что сестра Вентер объяснила мне, что подобные приступы были типичны для пациентов, которые перенесли тяжелую мозговую травму.

– Помнишь, как я люблю грозы?

Ответа не последовало.

– Если только без торнадо, – поправилась я. – Но мы в Филадельфии, так что торнадо нам вряд ли грозят.

Чарли снова медленно моргнул, не поворачиваясь ко мне.

– О! Завтра мы закрываем бар для посетителей, – продолжила я, не зная точно, говорила ли я ему об этих планах. Впрочем, это не имело значения. – У нас будет частная вечеринка.

Я сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

Чарли все смотрел в окно.

– Думаю, тебе понравилось бы в баре «У Моны». Местечко паршивое, но в этом и заключается его прелесть. Но я уже тебе об этом рассказывала. Не знаю, я бы хотела… – добавила я и поджала губы, когда его плечи поднялись и опали при вздохе. – Я бы хотела много всего, – закончила я шепотом.

Он принялся раскачиваться из стороны в сторону, явно не отдавая себе в этом отчета. Его движения были ритмичны и напоминали мне о волнах, которые то накатывали на берег, то отступали прочь.

На мгновение мне захотелось закричать от стремительно поглощавшего меня отчаяния. Раньше Чарли болтал без умолка. Учителя в начальной школе даже прозвали его Трещоткой, но он лишь смеялся над этим прозвищем – мама дорогая, какой у него был смех! Заразительный, такого не было в целом мире.

Но он не смеялся уже много лет.

Я зажмурилась, чтобы сдержать горячие слезы. Мне хотелось броситься на пол и зарыдать. Все это было несправедливо. Чарли должен был быть здоров. Он бы уже окончил колледж и полюбил красивого парня, и мы бы ходили на двойные свидания, куда я приводила бы кого захочу. Он должен был сдержать свое слово и опубликовать свой первый роман. У нас все было бы так же, как раньше. Мы были бы лучшими друзьями, не разлей вода. Он заглядывал бы ко мне в бар и при необходимости прикрикивал бы на меня, чтобы я не распускала нюни.

Чарли должен был быть жив, ведь это – что бы это ни было – жизнью было не назвать.

Но той чертовой ночью единственная глупая фраза и проклятый камень все разрушили.

Я открыла глаза, надеясь, что он смотрит на меня, но он так и не повернулся. Мне оставалось лишь терпеть. Наклонившись, я вытащила из сумки сложенную акварель.

– Я кое-что тебе нарисовала. – Голос был хриплым, но я не останавливалась. – Помнишь, когда нам было по пятнадцать, мои родители возили нас в Геттисберг? Тебе тогда понравилась Берлога Дьявола, вот я и решила ее нарисовать.

Развернув рисунок, я показала его Чарли, хоть он и не смотрел в мою сторону. Я целую неделю урывками рисовала песчаные скалы, возвышающиеся над зелеными лугами, и подбирала верные цвета для валунов и мелкой гальки. Сложнее всего было изобразить все тени, ведь я рисовала акварелью, но мне хотелось, чтобы рисунок вышел чертовски хорошо.

Я встала с кресла и подошла к стене напротив кровати. Взяв булавку со стола, я повесила рисунок рядом с остальными. Я приносила по одному каждую неделю. Вокруг висело триста двенадцать акварелей.

Мой взгляд скользил по стенам. Больше всего мне нравились портреты – я рисовала нас с Чарли вдвоем, когда мы были младше. Места уже не хватало. Скоро придется переходить на потолок. И все эти рисунки изображали… прошлое. Не настоящее и не будущее. Это были стены воспоминаний.

Снова сев в кресло, я вытащила книгу, которую читала ему в последнее время. Это были «Сумерки. Новолуние». Первый фильм мы посмотрели вместе. Второй уже не успели. Раскрыв книгу на том месте, где остановилась в прошлый раз, я подумала, что Чарли точно болел бы за Джейкоба. Ему не вскружили бы голову эмо-вампиры. Книга ему, похоже, нравилась, хотя я и читала ее уже в четвертый раз.

По крайней мере, я в этом себя убеждала.

За тот час, что мы провели вместе, Чарли ни разу на меня не взглянул. Когда я собралась уходить, мое сердце было тяжелым, как тот камень, который все перевернул с ног на голову. Я наклонилась к Чарли.

– Чарли, посмотри на меня, – сказала я и немного подождала, чувствуя, что вот-вот расплачусь. – Пожалуйста.

Чарли только моргнул, продолжая медленно раскачиваться из стороны в сторону. И больше ничего. Я ждала ответа пять минут – любого ответа, какого

угодно, но так ничего и не заметила. У меня на глазах навернулись слезы. Я поцеловала его в холодную щеку и поднялась.

– Увидимся в следующую пятницу, хорошо?

Я представила, что он ответил на этот вопрос. Только так я смогла выйти из палаты и закрыть за собой дверь. По пути к выходу я отметилась в журнале посещений, вскоре снова оказалась под палящим солнцем и надела темные очки, которые вытащила из сумки. Мне было очень жарко, но холод внутри никуда не уходил. Так случалось всякий раз, когда я посещала Чарли. Я прогоняла этот холод только в тот момент, когда наконец начиналась моя смена в баре.

Выйдя на парковку, где стояла моя машина, я громко выругалась.

Жар поднимался над тротуаром, и я гадала, какие цвета нужно смешать, чтобы запечатлеть этот эффект на бумаге. Затем я увидела свой ржавый «фольксваген джетта», и все мысли об акварелях как ветром сдуло. Мой желудок заурчал, и я чуть не споткнулась на ровном месте. Рядом стоял аккуратный, практически новый пикап.

Я знала этот черный автомобиль.

Однажды я на нем даже ездила.

О боже.

У меня отказали ноги, так что я осталась стоять как вкопанная.

Здесь был бич всей моей жизни – и он же человек, который снова и снова появлялся в моих фантазиях, даже в самых непристойных, причем в непристойных чаще всего.

Здесь был Рис Андерс, и я не знала, поколотить его или поцеловать.

Глава 2

Водительская дверца плавно открылась, и мое сердце – мое проклятое, предательское сердце – пропустило удар, когда я увидела длинную ногу в джинсах и легкой вьетнамке с перемычкой из коричневой кожи. Я не могла устоять перед парнями, которым хватало смелости носить вьетнамки, ведь мне казалось, что в сочетании с потертыми джинсами они смотрятся невероятно сексуально. Вскоре показалась вторая нога, и дверь на секунду заслонила торс, но эта секунда пролетела очень быстро. Дверь закрылась, и я увидела потрепанную футболку с логотипом «Металлики», которая почти не скрывала прекрасных, безгранично соблазнительных кубиков пресса. Футболка прилипла к его животу, обхватывая рельефные мышцы. Рукава плотно облегали бицепсы, еще больше распаляя меня.

Я подняла взгляд выше, на широкие плечи – такие плечи могли выдержать всю тяжесть этого мира и с честью справлялись с задачей – и наконец на лицо. Его глаза скрывали крутые темные очки, и смотрелись они просто потрясающе.

Боже, Рис прекрасно выглядел в повседневной одежде, чертовски сексуально в своей полицейской форме, а обнаженным он и вовсе вызывал визуальный оргазм.

И я видела его обнаженным. Почти. Ладно, признаюсь, я видела его хозяйство, и оно тоже было о-го-го.

Рис был классически красив. При взгляде на его черты мне тотчас хотелось рисовать: высокие скулы, полные губы, потрясающая линия подбородка. В том, что он выбрал работу полицейского, было что-то сексуальное.

К несчастью, я его ненавидела, просто терпеть не могла. Большую часть времени. Порой. Почти каждый раз, когда я смотрела на его совершенное тело и начинала исходить слюной. Да, в такие моменты я его ненавидела.

Сейчас мои интимные места обдавало жаром, а значит, в эту минуту он мне не нравился. Поэтому я крепче сжала ручку сумки, которую несла на плече, и выставила бедро вперед, прямо как Кэти. Моя, хм, немного странная подруга делала так всякий раз, когда собиралась нанести противнику словесный удар.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я и поежилась, несмотря на жару, потому что не говорила с Рисом уже более одиннадцати месяцев. Не считая, конечно, слов «иди к черту», потому что их я за последние одиннадцать месяцев сказала ему раз четыреста, но это неважно.

Темные брови поднялись над солнцезащитными очками. Мгновение спустя Рис усмехнулся, словно в жизни не слышал ничего забавнее.

– Может, поздороваешься для начала?

Если бы он не застал меня врасплох, с моих губ сорвался бы целый ураган бранных слов. Я задала совершенно нормальный вопрос. Насколько я знала, Рис ни разу за шесть лет не приезжал сюда, когда я навещала Чарли. Но все же я почувствовала укол совести, ведь мама меня не такому учила.

– Привет, – выдавила я.

Он поджал свои прекрасные губы и ничего не ответил.

Я сердито взглянула на него из-под темных очков.

– Здравствуйте, офицер Андерс.

Секунду помолчав, он наклонил голову набок.

– Я не на службе, Рокси.

О боже, как он произнес мое имя! Рокси. Как он изогнул язык для этого «р»! Почему-то от этого я вся растаяла, хотя таять мне было категорически противопоказано.

Он хранил молчание, а я готова была ударить себя промеж ног, потому что он явно не планировал отступать.

– Здравствуй, Рис, – неохотно пробормотала я.

Легкая улыбка заиграла у него на губах в подтверждение того, что он гордится собой, и не без повода. Он добился, чтобы я назвала его по имени, а это было серьезным достижением с его стороны. Будь у меня печенье, чтобы его поощрить, я бы швырнула его Рису прямо в лицо.

– Неужели это так сложно? – спросил он.

– Да, очень сложно, – ответила я. – У меня на душе теперь кошки скребут.

Он рассмеялся, что меня не на шутку удивило.

– Твоя душа ярче радуги, малышка.

Я фыркнула.

– Моя душа черна, глубока и полна всевозможных бессмысленностей.

– Бессмысленностей? – повторил он и снова рассмеялся, а затем провел рукой по темно-каштановым волосам, коротко подстриженным на висках и немного длиннее на макушке – такую прическу предпочитали почти все копы. – Если это правда, так было не всегда. – Простая, в некоторой степени – ладно, совершенно – очаровательная улыбка исчезла. – Да, так было не всегда.

У меня перехватило дыхание. Мы с Рисом давно друг друга знали. Когда я училась в девятом классе, он был в одиннадцатом, и даже тогда он был мечтой любой девчонки, так что я по уши влюбилась в него. Я рисовала глупые сердечки с его именем на полях тетрадей и ценила каждый миг, когда он улыбался мне или вообще смотрел в мою сторону. Я была совсем маленькой и не вращалась в его кругу, но он всегда был ко мне добр.

Возможно, это объяснялось тем, что его семья – родители и старший брат – не так давно переехала в дом, который стоял по соседству с нашим.

Как бы то ни было, Рис не обижал нас с Чарли, а когда он в восемнадцать записался в морскую пехоту, я впала в отчаяние, потому что успела убедить себя, что мы поженимся и нарожаем кучу детишек. В разлуке с ним я тосковала. Мне не забыть тот день, когда мама позвонила мне и сказала, что его ранили на

войне. Сердце замерло у меня в груди, а страх рассеялся еще не скоро, хотя нас и заверили, что с Рисом все будет в порядке. Когда он наконец вернулся домой, я была уже достаточно взрослой, чтобы больше не казаться ему малолеткой, и мы подружились. Это была хорошая, крепкая дружба. Я поддерживала его в самые тяжелые моменты жизни. В те ужасные ночи, когда он напивался до бессознательного состояния или становился таким угрюмым, что напоминал запертого в клетке льва, готового откусить руку любому, кто отважится к нему потянуться. Любому, но только не мне. А потом настала ночь, когда он переборщил с виски и все пошло прахом.

Я много лет была в него влюблена и всегда считала, что он для меня недостижим. Неважно, что произошло между нами той ночью, я все равно понимала, что моим ему не быть.

Раздраженная собственными мыслями, я с трудом сдержала желание запустить в него сумкой.

– Почему мы вообще заговорили о моей душе?

Он пожал плечами.

– Ты сама о ней заговорила.

Я хотела было возразить, но он был прав: о собственной душе я заговорила сама, и это показалось мне немного странным. Лоб покрылся испариной.

– Зачем ты здесь?

Всего два шага – и его длинные ноги уже преодолели расстояние между нами. Поджав пальцы ног в сандалиях, я взяла всю волю в кулак, чтобы не развернуться и не броситься прочь. Рис был высок, под метр девяносто, а я могла по праву считаться лилипуткой. Его размеры немного пугали меня, но это лишь добавляло ему сексуальности.

– Приехал из-за Генри Уильямса.

В мгновение ока я забыла всю нашу сложную историю и состояние моей души и с недоумением уставилась на Риса.

– Что?

– Рокси, он вышел из тюрьмы.

Я вся покрылась капельками пота.

– Я… знаю. Он уже пару месяцев на свободе. Я следила за слушаниями об условном освобождении, но…

– Знаю, – тихо, но с нажимом сказал Рис, и у меня внутри все оборвалось. – Ты не пришла на последнее заседание, когда его освободили.

Он ни о чем меня не спрашивал, но я все равно покачала головой. Я была на предпоследнем заседании, хоть и не выносила Генри Уильямса. Ходили слухи, что его отпустят на следующем заседании, как в итоге и произошло. Поговаривали, будто в тюрьме Генри обрел Бога. Что ж, ему же лучше.

Но это не меняло того, что он сделал.

Рис снял темные очки и взглянул на меня своими бесконечно синими глазами.

– Я был на заседании.

Я пораженно попятилась, раскрыв рот, но слова ко мне не приходили. Я этого не знала. Мне и в голову не приходило, что он пойдет на слушание. Зачем ему было туда идти?

Он смотрел мне прямо в глаза.

– На заседании он попросил…

– Нет, – отрезала я. – Я знаю, чего он хотел. Я слышала, что он хотел сделать, если выйдет, но нет. Миллион раз нет. Нет. Суд все равно не может дать такого

разрешения.

Лицо Риса смягчилось, в его взгляде появился намек на жалость.

– Я знаю, милая, но ты ведь понимаешь, что тоже не можешь никак на это повлиять. – Он сделал паузу. – Рокси, он хочет загладить вину.

Я сжала свободную руку в кулак, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство.

– Ему не загладить свою вину.

– Согласен.

Смотря на него, я никак не могла понять, к чему он клонит, но тут вдруг земля покачнулась у меня под ногами.

– Нет, – прошептала я, когда внутри у меня все похолодело. – Только не говори, что родители Чарли дали ему разрешение. Только не это.

Рис на мгновение стиснул зубы.

– Я бы хотел сказать, что это не так, но не могу. Они дали разрешение сегодня утром. Я услышал об этом от его инспектора.

Меня захлестнули чувства, и я отвернулась в сторону, не желая, чтобы Рис это видел. Я поверить этому не могла. Мой разум отказывался понимать, что родители Чарли позволили этому мерзавцу посетить их сына. Как это было бессердечно, жестоко и бездушно! Чарли стал таким, какой он сейчас, из-за этого подлеца-гомофоба. Казалось, меня вот-вот стошнит.

Рис положил руку мне на плечо. Я вздрогнула, но руку он не убрал. Должна признаться, в ее тяжести было что-то успокаивающее. Отчасти я даже была благодарна ему за эту поддержку, ведь она напомнила мне, как все было раньше между нами.

– Я решил, что лучше тебе сразу об этом узнать, чтобы новость не застала тебя врасплох.

– Спасибо, – хрипло ответила я.

Он так и не убрал свою руку и не разорвал нашу связь.

– Это еще не все. Он хочет поговорить и с тобой.

Сама того не желая, я отпрянула от него, а затем снова повернулась к нему лицом.

– Нет. Я не хочу его видеть, – сказала я. Воспоминания о том вечере снова обрушились на меня. Я попятилась и налетела спиной на собственную машину. Все так хорошо начиналось. Мы шутили, дразнили друг друга. А потом все так быстро вышло из-под контроля. – Ни за что.

– Ты не обязана с ним встречаться, – ответил Рис и потянулся ко мне, но в последний момент опустил руку. – Но ты должна была об этом узнать. Я передам его инспектору, что ему лучше держаться от тебя подальше. Иначе пусть пеняет на себя.

Последние слова пролетели у меня мимо ушей, как и угроза, послышавшаяся в его низком голосе. Сердце громко колотилось у меня в груди, и мне отчаянно хотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко, совсем одной, чтобы все это обдумать. Я обошла машину, прижимая сумку к груди на манер щита.

– Мне… надо идти.

– Рокси, – окликнул меня Рис.

Он каким-то образом снова возник передо мной, словно ниндзя. Не надевая очки, он по-прежнему смотрел на меня своими глазами чистейшего синего цвета.

Он положил обе руки мне на плечи, и меня пронзило электрическим током. Несмотря на новости, которые он только что мне принес, я чувствовала тепло его рук каждой клеточкой тела. Не знаю, чувствовал ли он то же самое, но держал он меня крепко – ускользнуть от него я не могла.

– Рокси, ты не виновата в том, что случилось с Чарли, – тихо сказал он.

Внутри у меня все оборвалось. Я все же сбросила с себя его руки – на этот раз он не стал меня останавливать, – прошла мимо него, рывком раскрыла водительскую дверцу и плюхнулась за руль. Тяжело дыша, я смотрела на него сквозь ветровое стекло.

Рис несколько секунд стоял перед моей машиной, и на мгновение мне показалось, что он сейчас сядет рядом, но затем он покачал головой и надел очки. Я дождалась, пока он отвернется и подойдет к своему пикапу, и лишь затем бросила:

– Вот черт.

Держась дрожащими руками за руль, я не знала, что было хуже всего: что Чарли снова не заметил моего присутствия, что Генри Уильямс получил разрешение навестить Чарли или что я была не уверена, прав ли Рис.

Может, все же это я была виновата в том, что случилось с Чарли?

Глава 3

Когда я заступила на смену, мне хотелось напиться. После такого ужасного дня я мечтала забыться, утопив свое горе в вине. Увы, я почти не сомневалась, что владелец бара «У Моны» совсем не обрадуется, найдя меня в отключке за барной стойкой прямо в разгар вечера.

Джексон Джеймс, более известный как Джекс, имя которого звучало так, словно его только что напечатали на обложке подросткового журнала, вложил в этот бар немало труда и упорства. До него это заведение было настоящей дырой – поговаривали, что в нем регулярно зависали наркоманы. Но теперь все изменилось.

Джекс обнял за талию свою подружку Каллу. Ее ответ не заставил себя ждать и поразил меня своей естественностью: она прильнула к Джексу, и вместе они

улыбнулись другой парочке, стоявшей неподалеку от бильярдных столов.

Черт, парочки здесь были повсюду. Такое впечатление, что в баре объявили вечер пар, вот только мне об этом никто не сказал.

За одним из столиков сидели Кэмерон Хэмилтон и его невеста Эйвери Морганстен. Перед ним стояло пиво, а перед ней – стакан газировки. Они так и лучились счастьем. У Эйвери были невероятно прекрасные рыжие волосы и веснушки, она словно сошла с рекламного плаката фирмы «Нейтроджина», а Кэм воплощал в себе все американские представления о красоте.

Джекс и Калла разговаривали с Джейсом Уинстедом и младшей сестрой Кэмерона Терезой. Эти двое вместе смотрелись просто сногсшибательно, как Брэд Питт и Анджелина Джоли. Были еще Брит и Олли, светловолосые красавцы. Олли как раз объяснял одному из ребят с бильярдным кием, что в этом году ровно пятьдесят две пятницы или что-нибудь настолько же странное. Когда я в прошлый раз говорила с Олли, он рассказал мне, что собирается основать компанию, которая будет продавать поводки… для черепах. Вот так-то.

Поправив очки, которые мне, наверное, не стоило носить постоянно, я снова посмотрела на Каллу и Джекса. Наблюдать, как влюбляются друг в друга двое людей, которые заслуживали быть любимыми, было поистине волшебно. Я совсем растрогалась, когда Калла подняла голову и Джекс поцеловал ее в губы.

Сегодня был их вечер – точнее, ее. В понедельник она уезжала обратно в Шепард, поэтому Джекс решил закрыть бар и устроить прощальную вечеринку – ту самую, о которой я рассказывала Чарли.

Налив виски с колой для Мелвина, который был старше всех посетителей и уже прирос к своему стулу в этом баре, я улыбнулась, а он подмигнул мне и придвинул к себе стакан.

– Это любовь, – сказал он, перекрикивая старую рок-н-ролльную композицию и кивая в сторону Каллы и Джекса. – Такая любовь не ржавеет.

На самом деле казалось, что в этом баре разлили целую цистерну любви. Даже Деннис, который работал вместе с Рисом и его братом, сегодня привел с собой жену. Все сидели по парочкам. Но Мелвин был прав, и мне стало немного

грустно, что вечером мне снова придется засыпать в одиночестве.

Ну да ладно.

– Это точно, – сказала я, поставив бутылку на место, и облокотилась на стойку. – Хочешь крылышек или еще чего-нибудь?

– Не, сегодня я ограничусь крепким, – ответил он и поднял стакан в ответ на мой безмолвный вопрос. – Хорошо, что они нашли друг друга, – добавил он, глотнув виски. – Эту девочку жизнь не баловала. Джекс… хорошо о ней позаботится.

Я придерживалась мнения, что Калла вполне могла бы обойтись без Джекса и сама позаботиться о себе, но понимала, что у Мелвина были старомодные взгляды. Достаточно посмотреть на Каллу, чтобы понять, что с ней случилось что-то ужасное. У нее на левой щеке был крупный шрам, который она уже почти не скрывала. Она рассказывала мне, как сильно обезобразил пожар все остальное ее тело. Трагедия случилась, когда она была совсем маленькой, и в результате она потеряла всю семью. Ее братья погибли в огне, мама пошла по наклонной, а отец ушел, не в силах вынести всей тяжести потерь.

Как я и сказала, было приятно наблюдать, что человек, заслуживающий любви, наконец-то отыскал ее в этом мире.

Мелвин повернул ко мне морщинистое лицо, когда я снова поправила очки.

– Что насчет тебя, Рокси?

– Это ты о чем? – нахмурилась я, оглядывая полупустой бар.

Он улыбнулся во весь рот.

– Когда ты тоже будешь обнимать какого-нибудь парня?

– Не скоро, – фыркнула я, не в силах сдержаться.

– Не зарекайся, – ответил он, поднося стакан к губам.

– Да нет, я серьезно, – усмехнувшись, возразила я.

Нахмурившись, Мелвин слез со стула.

– Я видел, как на прошлой неделе ты ходила с каким-то мальчишкой в тот итальянский ресторан. Как его зовут?

– Я предпочитаю думать, что не встречаюсь с мальчишками, – отмахнулась я, – так что понятия не имею, о ком ты говоришь.

Мелвин осушил стакан с такой решимостью, которой не могла не гордиться его печень.

– Ты много с кем встречаешься, юная леди.

Пожав плечами, я не стала возражать. Встречалась я действительно много с кем, а некоторые парни и правда вели себя как мальчишки, полагая, что дешевый ужин в «Олив Гарден» гарантирует им продолжение банкета. Боже, всем давно стоило зарубить себе на носу, что без филе-миньон и омара ни одна девчонка и пальцем к себе притронуться не позволит.

– Тот паренек был совсем желторотиком. Рыжий такой, – продолжил Мелвин. – Да, точно, рыжие волосы и пушок на щеках.

Пушок на щеках? Мама дорогая! Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться, потому что поняла, кого он имеет в виду. С бородой у этого бедняги действительно ничего не выходило.

– Ты о Дине?

– Да какая разница, как там его, – отмахнулся он. – Мне он не нравится.

– Ты его не знаешь! – Я отошла от стойки и улыбнулась. Мелвин закатил глаза. – Вообще-то Дин – хороший парень. К тому же он старше меня.

– Тебе нужен настоящий мужчина, – пробурчал Мелвин.

– Предлагаешь свою кандидатуру? – парировала я.

Он рассмеялся глубоким гортанным смехом.

– Будь я помоложе, девочка, я бы тебе показал!

– Еще бы, – усмехнулась я и скрестила руки на груди, закрыв слова «Пуффендуй круче», написанные у меня на футболке. – Хочешь еще выпить? Но только пиво: с крепким тебе явно пора завязывать.

Он улыбнулся мне, но тотчас стал серьезным.

– Тебя кто-нибудь провожает до машины после смены?

Вопрос показался мне странным.

– Кто-нибудь из ребят всегда меня провожает.

– Хорошо. Тебе следует быть осторожной, – продолжил Мелвин. – Уверен, ты слышала о той девушке из Кинг-оф-Пруссии. Она примерно твоего возраста, живет одна, работает допоздна. Какой-то парень увязался за ней, и все закончилось очень плохо.

– Я вроде слышала об этом в новостях, но мне показалось, что она знала этого парня. Он был ее бывшим или что-то вроде того.

Мелвин покачал головой и взял бутылку пива, которую я ему предложила.

– Насколько я знаю, это не подтвердилось. Сейчас думают, что они не были знакомы. До Пруссии отсюда рукой подать. А помнишь, месяц назад пропала другая девушка? Кажется, ее звали Шелли Уинтерс. Она жила в Абингтоне. Ее так и не нашли. – Он чуть наклонил бутылку в мою сторону, и я припомнила, что видела фотографию той девушки в посте на «Фейсбуке». Если память меня не подводила, она была хорошенькой: с голубыми глазами и темными волосами. – Будь осторожна, Рокси.

Я нахмурилась, облокотившись на стойку, а Мелвин отошел. Такого жуткого поворота нашего разговора я и не предвидела.

– Хочешь, поспорим?

Обернувшись, я задрала голову и увидела Ника Дормаса. Он был высокий, темноволосый и поразительно угрюмый. Девчонки, которые заглядывали в бар, к нему так и липли. Он всем своим видом говорил: «Я разобью тебе сердце», – и все же это не отпугивало стайки его поклонниц. Я удивилась, что он решил со мной заговорить, потому что обычно он разговаривал только с Джексом. Честно говоря, я понятия не имела, откуда у него такой послужной список на личном фронте, ведь он вечно молчал, как истинный мим. Ник был из тех, кто поматросит и бросит. Однажды я услышала, как Джекс говорил ему, что не может прогонять из бара всех девиц, с которыми Ник переспал, просто потому, что Нику больше не хочется их видеть.

– О чем?

Взяв бутылку текилы, он кивнул в сторону Джекса.

– И недели не пройдет, как он рванет в Шепард.

Я улыбнулась и отступила в сторону, открывая ему путь к той полке, где стояли стаканы.

– И спорить не буду. Дураку понятно, что он туда рванет.

Ник тихо рассмеялся, что тоже было странно, ведь смеялся он крайне редко. Не знаю, почему, но этот мрачный тип, который уж точно не годился на роль верного парня, мне все-таки нравился.

– Знаешь что? – сказала я.

Он приподнял бровь.

– Банан.

– Это что, какое-то кодовое слово? – спросил он, криво ухмыльнувшись.

– Нет. Мне просто захотелось его сказать. – Я взяла полотенце и вытерла со стойки маленькую лужицу выпивки. – Но в БДСМ такое слово прозвучало бы странновато. Представь, что девчонка прокричит «банан» в разгар секса! Неловко получится.

Ник недоуменно посмотрел на меня.

– Я как-то читала книгу, где девушка кричала «кошка», прямо перед тем как покувыркаться в постели, – сказала я. – Вот умора.

– Понятно, – пробормотал он и удалился.

Джекс уже стоял возле стойки, удивленно подняв брови.

– О чем вы, черт возьми, говорили? – спросил он.

Я улыбнулась ему и Калле.

– О кодовых словах, которые используют в БДСМ.

– Э-э, ясно, – сказала Калла, округлив глаза. – Такого я точно не ожидала.

Тут я хихикнула и мгновенно почувствовала себя гораздо лучше, чем за весь этот день.

– Хотите что-нибудь выпить? – Я взглянула на Каллу и улыбнулась, как Джокер под кайфом. – Может, текилы?

Она отпрянула, и мне показалось, что она вот-вот набросится на меня.

– Черта с два. Я это дьявольское пойло пить не буду.

Джекс усмехнулся, приобнял ее за плечи и притянул к себе, словно защищая. Боже, как это было мило!

– Не знаю, не знаю, – сказал он. – По-моему, ты мило обнимаешься с бутылкой.

Вспыхнув, она положила ладонь ему на живот.

– Нет уж, я лучше воздержусь.

В итоге я открыла бутылку «Бада» для него и лимонада для нее.

– Классная футболка, – заметила Калла, поднося бутылку к своим пухлым розовым губам. – Мне будет не хватать тебя и твоих футболок.

– Я тоже буду по тебе скучать! – воскликнула я. Если бы я могла перебраться через стойку, я бы точно заключила ее в объятия. – Но ты ведь вернешься? Мы здесь все за тебя в ответе.

– Вернусь, не успеешь и глазом моргнуть, – рассмеялась она. – Ты даже не соскучишься.

Но я знала, что скучать буду ужасно.

– Я тоже приеду, когда она вернется, – сказала Тесс, которая тоже подошла к стойке, проводя рукой по своим блестящим темным волосам. – Мне здесь нравится.

Калла взглянула на Джейса, болтавшего с Кэмом.

– Надеюсь, ты его не бросишь в одиночестве, ведь вам это на пользу не пойдет.

– Ни за что, – ответила Тесс и повернулась ко мне. – Его приятнее возить с собой.

Я снова посмотрела на сероглазого красавчика, известного как Джейс, и сказала:

– Это точно.

– Ладно, мне, пожалуй, пора, – вздохнул Джекс и поцеловал Каллу в щеку. – Но Джейс прекрасен! Я бы с ним покувыркался.

Он сказал это достаточно громко, чтобы Джейс озадаченно взглянул на нас, не растеряв своей сексуальности, и я разразилась безумным смехом.

Тесс покачала головой и наклонилась к Калле.

– Шутки в сторону, нам обоим здесь очень нравится. Кэму и Эйвери – тоже. Сюда всегда приятно приехать.

– А ты можешь приезжать к нам в гости, – сказала мне Калла.

Я рассеянно кивнула, и тут дверь отворилась. Сегодня в баре ожидали лишь тех, кто был близок Калле и Джексу, так что я приготовилась увидеть Кэти, которая еще не заглянула на огонек, но пришла не она.

В бар вошел Рис, одетый почти так же, как и днем. Мое глупое сердце подпрыгнуло в груди. Была пятница, а он работал помощником шерифа. Разве ему не следовало быть на службе?

Проклятье.

Он даже не взглянул на парней, которые собрались за одним из столов, и сразу повернулся к стойке. Мы встретились глазами. Мои интимные места затрепетали.

И снова проклятье.

Стоило мне на него посмотреть, как у меня перехватывало дыхание. Может, все дело в его походке? Вот черт, он направлялся прямо к стойке! Я развернулась и посмотрела на Ника.

– Пойду, проверю, что у нас на складе.

– Настанет день, когда ты объяснишь мне, почему ты так делаешь, – пробормотала Калла, но других ее слов я уже не расслышала, потому что со всех

ног рванула прочь.

Возможно, я поступала по-свински, ведь он проявил немалую чуткость, когда утром приехал, чтобы поскорее сообщить мне новости. Я думала об этом целый день. Об этом и о том, что Генри Уильямс вдруг захотел загладить свою вину.

Как будто это было возможно.

Боже, мне было просто смешно. Пробежав по коридору, я нырнула на склад, закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и наконец выдохнула, убирая фиолетовые и каштановые пряди, которые упали мне на лицо. В этот момент мне не хотелось думать о Генри, да и о Чарли – тоже, как бы ужасно это ни прозвучало. Настроение у меня было отличное, а до конца моей смены оставалось еще несколько часов, так что уютная постель мне пока не светила.

Поэтому я снова задумалась о Рисе, гадая, зачем он специально приехал, чтобы сказать мне о Генри. Да, в какой-то момент мы были близкими друзьями, но последние одиннадцать месяцев между нами пролегала полоса отчуждения. Он нарушил ее, и теперь я не знала, как это понимать. Скорее всего, это ничего не значило, да и не могло ничего значить, и все же… одиннадцать месяцев назад Рис украл частицу моего сердца.

Хотя сам он об этом не знал.

Подождав минут пять и решив, что Рис уже успел получить свою выпивку у Ника, я отошла от двери, заправила за ухо прядь волос и повернула ручку.

– Негодяй! – вскричала я и попятилась обратно на склад.

Рис стоял в коридоре, держась руками за дверной косяк. Низко опустив голову, он играл желваками. Он явно был недоволен.

– Может, хватит прятаться?

– Я… вовсе и не пряталась. П-правда. – Я густо покраснела. – Я просто проводила учет.

– Ага.

– Правда!

Он изогнул одну бровь.

– Неважно. Мне все равно пора возвращаться, так что уйди, пожалуйста, с…

– Нет.

У меня от удивления открылся рот.

– Нет?

Рис выпрямился, но, вместо того чтобы отойти, сделал шаг вперед и взялся за дверную ручку. Его правый бицепс напрягся, когда он резко захлопнул дверь.

– Нам нужно поговорить.

Мамочки.

– Слушай, друг, нам не о чем говорить.

Рис шел прямо на меня, а я отступала. Не успела я понять, что делаю, как наткнулась спиной на стеллаж. Бутылки на полках звякнули, а Рис оказался прямо передо мной, так близко, что я почувствовала свежий запах его одеколона.

Упершись руками в полку по обе стороны от моих плеч, он приблизился ко мне еще ближе. Я почувствовала его теплое дыхание на своей щеке, и по спине пробежал холодок. Ого. Все интимные места затрепетали, разгорячились и подготовились ко взлету.

Да, я была просто обязана хорошенько себе врезать.

– Я слишком долго терпел все то, что происходит между нами, – сказал он и пронзил меня взглядом. Его глаза были не просто синими, а кобальтовыми. Этот оттенок синего было сложно смешать и запечатлеть в акварели.

Мой язык как будто отяжелел. Рис не был ко мне так близко с той самой ночи, когда мы заигрались с виски.

– Ничего между нами не происходит.

– Бред собачий, Рокси. Ты много месяцев меня избегаешь.

– Не-а, – выдавила я. Да, звучало паршиво, но его губы были совсем рядом, а я прекрасно помнила, как эти губы касались моих, твердые и мягкие одновременно. А еще я помнила, какой он сильный. Как он поднял меня в воздух и…

И мне не стоило сейчас об этом думать.

– Одиннадцать месяцев, – сказал он, понижая голос. – Одиннадцать месяцев, две недели и три дня. Ровно столько ты меня избегаешь.

Вот, блин, он это прямо для меня посчитал? Он был совершенно прав. Именно столько я его сторонилась, порой посылая его куда подальше.

– Давай вспомним, когда мы с тобой в последний раз нормально говорили.

О нет. Об этом вспоминать уж точно не стоило.

Рис наклонил голову, и его губы оказались прямо возле моего уха. Когда он заговорил, я крепче вцепилась в край полки, за который держалась как за спасательный круг.

– Да, милая, мы поговорим о той ночи, когда ты подбросила меня домой.

Я нервно хихикнула.

– Ты… имеешь в виду ту ночь, когда ты напился до беспамятства и мне пришлось поработать твоим шофером?

Рис поднял голову и впился в меня взглядом. Мы долго молчали, и я перенеслась во времени на одиннадцать месяцев, две недели и три дня назад. Он сидел в баре, и мы флиртовали друг с другом, как делали при каждой встрече, после того как он пришел из армии. Казалось, мы и не разлучались на несколько лет. Мысли о браке и детях постоянно крутились у меня в голове, хотя я велела себе не обольщаться безобидным флиртом. Но я была влюбленной идиоткой. Той ночью он попросил меня отвезти его домой, и я подумала, что он наконец решился сделать шаг. Способ он выбрал довольно странный, но это меня ничуть не смутило. Я целую вечность мечтала об этом парне и жаждала его внимания, так что я согласилась. Когда мы доехали до его дома, я вместе с ним вошла внутрь и… И в конце концов нужный шаг сделала именно я.

Набравшись мужества, я поцеловала его прямо в его квартире, как только он закрыл дверь. Все завертелось очень быстро. Одежда полетела на пол, наши тела встретились и…

– Я бы все отдал, лишь бы только вспомнить ту ночь, – продолжил Рис, глядя мне прямо в глаза и говоря все более низким голосом. – Я бы все отдал, лишь бы вспомнить, каково это – быть внутри тебя.

Со мной случилось сразу несколько вещей. Мышцы в самом низу моего живота напряглись, но в то же время волна разочарования смыла весь гнев, который нарастал у меня внутри. Я закрыла глаза и прикусила губу.

Рис верил, что одиннадцать месяцев, две недели и три дня назад у нас был секс, дикий, животный, спонтанный секс. Но он был слишком пьян, чтобы его запомнить. Слишком пьян, чтобы запомнить хоть что-то после того момента, когда мы скинули одежду у него в прихожей.

Я просто не поняла, что он так сильно набрался, что было весьма глупо с моей стороны, ведь я работала барменом и обычно замечала, когда клиентам нужно было завязывать с выпивкой. Черт, да он ведь даже попросил меня подбросить его до дома, куда уж очевидней! Но я была слишком им очарована. И дело было не в слепом обожании – все было гораздо серьезнее. Я влюбилась в него в пятнадцать лет, и за годы мои чувства не изменились.

Ту ночь я провела с ним, а когда он проснулся на следующее утро, страдая от похмелья и жалея о случившемся, я заметила, что он только и думает, как бы быстрее избавиться от меня, и мое сердце треснуло. После той злополучной ночи он несколько недель сторонился меня как чумы, и тогда мое сердце разбилось на тысячу осколков.

Но хуже всего было то, что Рис все неправильно понял.

Мы даже не дошли до того момента, когда деталь «А» входит в деталь «Б». Той ночью у нас не было секса. Он с трудом дополз до ванной и отключился, а я осталась с ним, потому что волновалась и думала… Впрочем, какая разница, что я думала, ведь секса у нас так и не случилось.

Глава 4

Что могло быть хуже того, что Рис думал, будто у нас был секс, и корил себя за то, чего не было? Что могло быть глупее? Рис Андерс презирал любую ложь. Ложь во спасение. Маленькую ложь. Необходимую ложь. Невинную ложь. Любую ложь, какая только существовала в этом мире.

Моя была невинной, ведь я не отрицала, что у нас был секс, но и не говорила, что его не было. Он знал меня с моих пятнадцати лет, был рядом, когда случилось несчастье с Чарли, и, отслужив целых четыре года, в первый же вечер после возвращения из армии зашел к моим родителям. Мама до сих пор клялась, что Рис искал меня, но наши семьи были очень близки, так что я в этом сомневалась. Я уехала из родительского дома в восемнадцать, поэтому меня там не было. Когда родители позвонили и потребовали, чтобы я срочно приехала, я решила, что случилось что-то ужасное, ведь мамин голос звучал так, словно она была на грани нервного срыва. Я понятия не имела, что Рис вернулся, и при встрече он заключил меня в самые крепкие на свете объятия. Несмотря на ту дружбу, которая установилась между нами, после того как он стал помощником шерифа округа, он не мог не рассердиться из-за этой лжи.

Корни его непримиримой ненависти ко лжи уходили в те времена, когда мы еще не были знакомы. Дело было в его отце. Я не знала подробностей, но догадывалась, что здесь не обошлось без измены, потому что Рис переехал в

соседний дом с мамой и отчимом, а его отец не пропускал ни одной юбки.

В общем, солгать Рису было все равно что спровоцировать мировую войну.

Рис смотрел на меня, ожидая ответа, но ответа у меня не было. За последние одиннадцать месяцев я столько раз хотела прокричать всю правду ему в лицо. Я хотела сказать, что у нас не было секса, но мне было тошно вспоминать, как он повел себя на следующее утро и как избегал меня в течение нескольких недель, не говоря уже о том, что ему вообще пришлось так набраться, чтобы даже подумать о сексе со мной. Мне было ужасно больно.

Я сгорала со стыда. Будь Чарли в курсе ситуации, он, наверное, отвесил бы мне хорошую оплеуху. Ведь мне следовало быть осмотрительнее, но я забыла о приличиях и теперь платила за это сполна. Много дней я ходила как в воду опущенная. Много недель чуть не плакала при звуке его имени. Много месяцев я не могла смотреть на Риса, не заливаясь густой краской.

И боль никуда не уходила.

Обуздав всю эту боль и унижение, я сделала глубокий вдох и приготовилась дать отпор.

– Как я и сказала, Рис, нам не о чем с тобой говорить. Я сама ту ночь едва помню. – Ложь! Наглая ложь! Я заставила себя пожать плечами. – Ничего особенного не было.

– Я тебе не верю, – изогнув бровь, ответил он.

– Думаешь, ты так невероятен в постели, что я запомню и ту ночь, когда ты напился вдрабадан? – огрызнулась я.

– Нет, – едва улыбнувшись, сказал он. Я поверить не могла, что он по-прежнему стоит рядом. – Я только хочу сказать, что ты явно помнишь все, раз избегаешь меня так долго.

Черт, с этим было сложно поспорить!

– Вообще-то, я предпочла бы ту ночь не вспоминать.

Как только эти слова сорвались с моих губ, я захотела взять их назад, такими злыми они были. Хотя я действительно избегала его и вечно ехидничала, это не доставляло мне удовольствия.

Он перестал улыбаться и наклонил голову набок. Яркий свет флуоресцентных ламп бил ему прямо в лицо. Прошла секунда. Я ожидала, что он оскорбит меня в ответ, ведь я заслуживала этого после такой подлой фразы, но получила я совсем другое.

– Хотел бы я сказать: знаю, что тебе понравилось, ведь я бы точно сумел тебя порадовать, малышка.

Меня захлестнули воспоминания. Даже пьяный в стельку, он вполне мог сделать ту ночь выдающейся, незабываемой в хорошем смысле. Разомкнув губы, я тихонько вздохнула и почувствовала томление внутри. Рис опустил взгляд мне на губы, и у меня перехватило дыхание. Он смотрел достаточно долго, чтобы у меня в голове появилась безумная идея, настоящая царица всех безумных идей. Я знала, что безумные идеи еще ни разу не доводили меня до добра. Но это знание никак не могло ее остановить.

Мне показалось, что Рис изучал мои губы так, словно хотел поцеловать. Когда я наконец сумела вдохнуть, я уже усомнилась, остановлю ли его. И кем я после этого была? Я так и молила о наказании.

Он смутился и посмотрел мне в глаза.

– Но зная, как я напился, я ни в чем не уверен. Я не…

– Мне пора возвращаться.

Я не могла продолжать этот разговор. Мне нужно было выбраться отсюда, пока желание и стремление его успокоить не лишили меня здравого смысла. Я попыталась было поднырнуть под его руку, но он подвинулся. Учитывая, насколько он был высок и крепок, у меня не оставалось ни малейшего шанса вырваться.

– Бога ради, прекрати от меня убегать!

– Я вовсе не убегаю, – ответила я и уперла руки в бока.

Он заглянул мне в глаза, и я снова попалась в ловушку, когда он аккуратно поставил свой палец на перемычку моих очков и подвинул их чуть выше. Сердце подпрыгнуло у меня в груди в ответ на этот жест, в котором раньше никто из нас не видел ничего необычного.

«Мне нужно, чтобы они сидели ровно», – говорила я, а он неизменно отвечал: «Ну уж нет, мне нравится быть официальным хранителем твоих очков». Боже, при одном воспоминании об этом у меня заныло сердце.

– Может… Рокси, может, я сделал что-то не так?

Я замерла, как будто внутрь меня вдруг вставили стальной стержень.

– Что?

Казалось, изменилась даже осанка Риса. Он по-прежнему стоял вплотную ко мне, упираясь руками в полку, но ленивого высокомерия, с которым он только что задирал нос, теперь как не бывало. Он весь был как натянутая струна.

– Я сделал тебе больно?

От удивления у меня раскрылся рот. Сделал ли он мне больно? Да. Он разбил мне сердце, но я подозревала, что он имел в виду другое.

– Нет. Нет, конечно. Как ты вообще мог такое подумать?

На мгновение закрыв глаза, он резко выдохнул.

– Я уже не знаю, что и думать.

Боже, мне стало тяжело дышать. Нужно было сказать правду, ведь я не могла позволить ему так думать о себе, и неважно, что мне пришлось бы поступиться

собственными чувствами и гордостью. Слова готовы были сорваться с языка.

– Этого не должно было случиться, – продолжил он. – Мы с тобой… Только не так.

Слова замерли у меня на языке и потухли, как тухнет яркая искра. Я понимала, что глупо расстраиваться из-за того, что он сказал, что этого не должно было случиться, ведь на самом деле ничего и не случилось, но дело было в его отношении. У меня родились другие слова.

– Ты правда жалеешь об этом? – хрипловато спросила я. – Я ведь понимаю, что не первая из тех, кого ты уложил по пьяни…

– И не помню об этом? – закончил он за меня. – Нет, такое было только с тобой.

Не знаю, следовало ли мне обрадоваться или оскорбиться. Качая головой, я пыталась справиться с противоречивыми чувствами.

– Ты… хотел бы, чтобы той ночи не было?

– Да, – прямо ответил он, и я как пулю в сердце получила. – Потому что я хо…

Дверь склада вдруг распахнулась.

– Черт, я опять не вовремя, – заявил Ник. – Простите, что… прерываю. Мне просто нужно… кое-что взять.

Мой спаситель оказался угрюмым и мрачным, но дареному коню в зубы не смотрят. Я воспользовалась преимуществом. Рис опустил руки и повернулся к Нику, который как раз взял с полки новую пачку салфеток с логотипом бара. Ускользнув от Риса, я выбежала в открытую дверь. На Ника я даже не взглянула, а стучащая в ушах кровь заглушила все слова парней.

В горле першило, но я решила, что всему виной аллергия. Должно быть, где-то в здании завелась плесень, сказала я себе, после чего вернулась за стойку и широко улыбнулась сидевшим там девчонкам.

– Вам что-нибудь налить? – бодро спросила я, вслепую потянувшись за бутылкой.

– Нам и так хорошо, – ответила Калла и посмотрела мне за спину.

Мне не стоило и оборачиваться, чтобы понять, что со склада вышел Рис. Я увидела его секунду спустя, когда он направился к ребятам. Ничем не выдавая своих чувств, он сел на свободный стул рядом с Кэмом.

– Ты в порядке? – спросила Калла, понизив голос.

– Конечно, – сказала я, улыбаясь от уха до уха.

На лице у Каллы отразилось сомнение, поэтому я отвернулась, подняла очки на лоб и велела себе собраться. Это был ее вечер, ее и Джекса. Не хватало еще, чтобы она беспокоилась из-за меня. Я потерла руками лицо и уничтожила все остатки макияжа. Впрочем, какая разница? Надев очки, я повернулась назад.

Калла, Тесс и Эйвери смотрели прямо на меня.

Я вздохнула, и в горле снова запершило, а затем одернула футболку.

– Ну, девочки, хотите узнать, почему Пуффендуй круче?

Эйвери улыбнулась и подалась вперед.

– А мы хотим? – спросила она.

– О да, хотите, – энергично закивала я.

Тесс так хотелось выяснить, почему Пуффендуй лучше всех, что она даже подпрыгнула на стуле. В этот момент я окончательно влюбилась в нее, но Каллу провести было не так просто. Она прикусила губу, наблюдая, как я подливаю Эйвери газировки. Я не могла не посмотреть на ребят. Кэм и Джекс, которые успели крепко сдружиться, были поглощены разговором с Джейсом, но затем я перевела взгляд на другой конец стола и забыла, зачем взяла совок для льда. Черт, да я забыла даже, что вообще его взяла! Что я собиралась с ним сделать?

Рис поймал мой взгляд, и я почувствовала, что задыхаюсь. Его взгляд пронзил меня насквозь даже издалека. Я вдруг задумалась, почему он выбрал именно этот вечер, чтобы наконец растопить ту ледяную стену, которая разделила нас. Не то чтобы это было важно, но меня мучило любопытство.

Не нужно было обладать способностями Кэти, которая была уверена, что стала ясновидящей, когда упала с шеста во время танца и ударилась головой, чтобы понять, о чем он думает и что значит этот пронзительный взгляд. Может, я и ускользнула от Риса на складе, но он явно еще не махнул на меня рукой.

Потрясающие глаза цвета неба за несколько секунд до захода солнца, смывающего все великолепные оттенки, смотрели на меня из-под густых темно-коричневых ресниц. У Риса была смуглая кожа и прекрасное, еще не потерявшее юношеского очарования лицо, однако резкая линия волевого подбородка и выразительные, четко очерченные губы так и кричали о его мужественности. Его красота была и грубой, и волшебной одновременно.

Я взглянула на холст, а затем на кисть, которую держала в руке. Ее кончик был синим.

Да провались оно все пропадом! И поглубже!

Я снова это сделала.

Сдерживая желание швырнуть на пол и кисть, и картину, я гадала, достаточно ли острый черенок у кисти, чтобы сделать себе лоботомию, потому что иного выхода после создания портрета Риса я не видела.

Очередного портрета.

Которых и без того уже было немало.

Это было не только жалко, но и довольно странно. Вряд ли он обрадовался бы, узнав, что я рисую его лицо. Я бы запаниковала, узнав, что какой-то парень рисует меня, да еще хранит мои портреты в шкафу. Если бы только это был не Тео Джеймс и не Зак Эфрон. Эти двое могли рисовать меня сколько угодно.

Скорее всего, Рис не обрадовался бы, узнав и то, что этим утром я проснулась с мыслью о его глазах, потому что опять видела их во сне.

Таких снов у меня тоже было немало.

«Может, он не стал бы возражать», – прошептал дьявольский голосок мне на ухо. В конце концов, вчера на складе он решительно вторгся в мое личное пространство. Он ведь поправил мне очки. Был даже момент, когда я подумала, что он может меня поцеловать.

А еще он сказал мне, что жалеет о той ночи, когда мы якобы переспали.

Так что этот дьявольский голосок был лживой сволочью, которой просто нравилось баламутить воду.

Поправив очки, я вздохнула и положила кисть рядом с маленькими баночками с акварелью, которые стояли на старой тумбочке, заляпанной всеми цветами радуги.

Мне не стоило больше рисовать его портреты.

Почему я не могла быть обычной начинающей художницей? Рисовала бы себе зеленые луга, вазы с цветами да прочую абстрактную чепуху. Но нет, мне нужно было быть художницей со склонностью к сталкингу.

Я слезла с высокого стула, вытерла руки о джинсовые шорты и аккуратно сняла с мольберта акварельный холст. Некоторые предпочитают рисовать на перерабатываемой бумаге, но я всегда любила текстуру холста. Чтобы рисовать на нем акварелью, достаточно лишь правильно его загрунтовать.

Мне следовало скатать этот портрет и поскорее выбросить, чтобы никто в целом мире никогда его не увидел, но всякий раз, когда я заканчивала акварель на холсте, какой бы жуткой она ни была, мне было сложно с ней расстаться.

Рисунки и наброски… стали частью меня.

– Какая же я идиотка, – пробормотала я и поднесла почти просохший холст к бельевой веревке, протянутой через всю комнату, которую я превратила в студию.

Прикрепив портрет прищепками, я вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и поклялась, что брошусь под машину, если вдруг хоть кто-то войдет в эту студию и увидит эту картину или любую другую.

Когда я вышла в узкий коридор, из гостиной донесся тихий гул телевизора. Я с самого детства не любила тишину, а после случившегося с Чарли и вовсе ее возненавидела. Днем у меня всегда работали телевизор или радио. Ночью я включала напольный вентилятор – не столько для прохлады, сколько для шума.

В два шага я преодолела расстояние от двери в свою спальню до единственной ванной. Квартира была небольшая, но уютная. Первый этаж, деревянные полы, открытая планировка кухни и гостиной. Одна дверь выходила из кухни на небольшую террасу и лужайку, а другая – в коридор.

Дом не был многоквартирным. Это был огромный викторианский особняк в самом центре Плимут-Митинга, небольшого городка в нескольких километрах от Филадельфии. В начале 2000-х особняк отреставрировали и разделили на четыре трехкомнатных квартиры. Чарли назвал бы его любопытным. Этот дом ему точно понравился бы.

Во второй квартире на первом этаже жили пожилые супруги Сильвер, в квартиру прямо над моей несколько месяцев назад въехал какой-то парень, с которым я почти не встречалась, а в четвертой квартире жил местный страховой агент Джеймс со своей девушкой Мириам.

Раздался звонок, и я посмотрела на подлокотник дивана, куда положила телефон накануне, когда вернулась из бара. Пришло сообщение.

Поморщившись, я чуть не спряталась за диваном. Писал Дин, и сообщение было коротким: «Может, увидимся снова?».

Я вдруг почувствовала себя полной дурой. Мне даже прикасаться к телефону не хотелось.

На прошлой неделе, когда я привела его домой – он был тем самым парнем из «Олив Гарден», на щеках у которого Мелвин разглядел неподобающий пушок, – все прошло не так, как я надеялась.

Вечер закончился поцелуями. Поцелуями в хорошем месте, на маленькой террасе, под звездами. Но дальше этого дело не зашло. Возможно, виной тому был мистер Сильвер, который вышел на террасу соседней квартиры. Казалось, старичок готов был побить беднягу собственной тростью.

Но даже если бы нас не прервали, между нами с Дином все равно ничего не было бы. Он был милым парнем, хоть и чуточку болтливым, но при мысли о нем я совершенно ничего не чувствовала.

Возможно, виной тому был… Боже, разве стоило мне заканчивать эту мысль? Виной тому был поцелуй с Дином, который показался мне весьма заурядным в сравнении с тем, как меня целовал Рис. Вот черт! Я все же закончила эту мысль.

Забавно, что я вообще не мечтала ничего почувствовать, так что в некотором роде Дин был в безопасности. С ним было приятно общаться, и мне уж точно не грозило проникнуться к нему глубоким чувством, но это было несправедливо по отношению к нему.

Вздохнув, я прошла мимо дивана, оставив телефон лежать на месте. Дин был славным парнем, но на второе свидание я соглашаться не собиралась. Мне нужно было собрать свою волю в кулак и прямо сказать ему об этом, но сперва поспать. Может, съесть пакет чипсов и…

Мой желудок заурчал. Я остановилась возле обеденного стола лицом к кухне. Мое внимание привлекло какое-то движение в маленьком окошке над раковиной. Я заметила, как за окном промелькнуло что-то серое или темно-коричневое, но все случилось слишком быстро, чтобы я успела хоть что-то разглядеть. Все же зрение у меня было так себе, даже в очках. Я подошла к окну, взялась за холодный край стальной раковины и встала на цыпочки. Выглянув на улицу, я увидела лишь стоящую на видавшем виды кованом столике корзину с цветами, которую купила на рынке на прошлой неделе. Ветерок колыхал нежные лепестки. Мне показалось, что я услышала, как хлопнула дверь, но в конце концов я опустилась на пятки и покачала головой.

Теперь мне еще и мерещилось всякое.

Развернувшись, я навалилась на раковину, глубоко вздохнула и размяла шею. Накануне я закрывала бар, поэтому домой пришла только в начале четвертого утра, а проснулась слишком рано.

И проснулась я с этим чувством в самом низу живота, с этой жуткой пустотой, которая не имела никаких оснований. Из-за нее мне было беспокойно и неуютно в собственной шкуре. Она не уходила, пока я не взяла в руки кисть, и я не сомневалась, что вскоре она вернется снова.

Она всегда возвращалась.

Я отошла от раковины, взяла банан из печальной корзины для фруктов, где лежали в основном кусочки шоколада, и тут в дверь постучали. Стоило мне взглянуть на часы у холодильника, как я поняла, кто пришел.

После того как четыре года назад, когда мне было восемнадцать, я уехала из родительского дома, около полудня по субботам ко мне неизменно заглядывала мама, а порой и вся моя семья. Точно так же как по пятницам я навещала Чарли.

Слава богу, я закрыла дверь в студию, ведь мне вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь из моих близких – мама, папа или двое братьев – увидел портреты Риса. Они знали, кто он такой.

Его все знали.

Когда я открыла дверь, меня обдало жаром. У меня под носом оказалась четырехлитровая канистра с коричневой жидкостью. Я отпрянула.

– Какого…

– Я сделала тебе сладкий чай, – сообщила мама, вручая мне еще теплую пластиковую канистру. – Решила, что он у тебя уже закончился.

В баре я могла приготовить любой напиток, известный человечеству, но сладкий чай у меня никак не получался. Почему-то я не могла найти правильную

пропорцию количества сахара, чайных пакетиков и воды. Это было выше моих сил.

– Спасибо, – сказала я и прижала канистру к груди, а мама тем временем влетела в квартиру, как полутораметровый торнадо, с короткими, торчащими во все стороны каштановыми волосами. – Ты сегодня одна?

Она закрыла дверь, развернулась и поправила очки в красной оправе. Я унаследовала от мамы не только маленький рост, но и отвратительное зрение. Ура генетике!

– Отец играет в гольф с твоим братом.

Я решила, что под «братом» она имела в виду моего старшего брата, Гордона, потому что мой младший брат, Томас, как раз увлекся культурой готов и не выдержал бы и пяти минут на поле для гольфа.

– Такая жара – его ведь удар хватит! Понять не могу, что его только дернуло. И Гордон туда же, – продолжила мама, подходя к подержанному дивану, который я купила четыре года назад, сразу после переезда, и, усевшись, добавила: – Твоему брату пора поучиться ответственности, ведь скоро родится мой внук.

Мне оставалось лишь гадать, какую связь мама видела между августовским гольфом и тем, что жена Гордона была на третьем месяце беременности, но я решила не заострять на этом внимание и понесла канистру в холодильник.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Я столько кофе выпила, что чуть не вплавь сюда добиралась.

Поморщившись, я открыла дверцу холодильника и пораженно попятилась, крепче сжимая ручку канистры в руке.

– Что за… черт?! – пробормотала я.

– Что такое, милая?

Сбитая с толку, я смотрела на верхнюю полку, где рядом с газировкой лежал пульт от телевизора. Я никогда в жизни даже случайно не клала в холодильник ни пульт, ни другие посторонние предметы. Среди моих знакомых никто в подобном замечен не был, но пульт все же лежал передо мной, похожий на тарантула, готового к атаке.

Я взглянула на окошко над раковиной, вспомнив то движение, которое заметила раньше. Мне стало не по себе. Скорее всего, это были пустяки, а я просто устала гораздо сильнее, чем мне самой казалось, и все же это было странно, очень странно.

Покачав головой, я вытащила пульт из холодильника, который теперь казался мне не менее зловещим, чем холодильник в «Охотниках за привидениями – 2», а чай поставила охлаждаться.

Мама повернулась на диване и похлопала по подушке рядом.

– Посиди со мной, Роксана. Мы давненько не разговаривали.

– Мы вчера говорили по телефону, – напомнила я, после чего закрыла дверцу холодильника и отнесла пульт на законное место на журнальном столике, где хранятся все приличные пульты.

Мама закатила карие, такие же, как у меня, глаза.

– Милая, это было сто лет назад. Топай сюда.

Я села рядом с ней, и она сразу протянула тонкую руку и легонько коснулась растрепанного хвоста, который болтался у меня на макушке.

– Куда делись красные перышки?

Пожав плечами, я сняла резинку. Волосы у меня были длинные и доходили до самой несуществующей груди. Сейчас они были темно-каштановыми, с фиолетовыми прядями. Я часто их перекрашивала и даже удивлялась, как они вообще еще не выпали.

– Мне они надоели. Как тебе фиолетовые?

– Прекрасно, – сказала мама, прищурившись. – Они тебе очень идут. Один в один как пятна краски у тебя на футболке.

Я опустила глаза и заметила, что лицо Эдварда на моей старой футболке с «Сумерками» и впрямь было заляпано фиолетовыми брызгами.

– Ха.

– Слушай… – мама произнесла это слово ровно тем тоном, от которого я сразу насторожилась, – ты ведь знаешь, что предложение по-прежнему в силе?

Она серьезно посмотрела на меня, и я замерла. Предложение. Уф. Это предложение было корявым костылем, на который мне порой – ладно, почти всегда – так хотелось опереться. Оно заключалось в том, чтобы в двадцать два года вернуться в родительский дом, бросить курсы компьютерной графики, работу барменом и дизайн сайтов и посвятить все свое время моей истинной страсти.

Живописи.

Мне очень повезло, что мои родители были готовы поддерживать бедную художницу, но пойти на это я не могла. Мне нужна была независимость. Именно поэтому я и переехала. Именно поэтому мне и приходилось учиться в местном колледже, продвигаясь в час по чайной ложке.

– Спасибо, – сказала я и взяла ее за руку. – Правда спасибо, но я…

Мама вздохнула, отняла руку и взяла мое лицо в ладони. Наклонившись, она поцеловала меня в лоб.

– Я все понимаю, но хочу убедиться, что ты не забыла. – Она отстранилась, наклонила голову набок и провела большим пальцем чуть пониже моих очков. – Ты выглядишь такой уставшей, такой измотанной.

– Спасибо, мам. Рада слышать.

Она строго на меня посмотрела.

– Во сколько ты вышла из бара?

– В три часа ночи, – со вздохом ответила я и откинулась на подушку, надеясь, что она поглотит меня целиком. – Я рано встала.

– Не могла заснуть? – участливо спросила мама.

Да уж, она меня прекрасно знала. Я кивнула.

Мама положила ногу на ногу.

– Ты вчера виделась с Чарли?

Я снова кивнула.

– Само собой, – тихо сказала она. – Как там мой мальчик?

Когда я услышала это, мне стало еще тяжелее вспоминать о том, в каком состоянии я застала Чарли. Мама и папа… боже, да они больше участвовали в жизни Чарли, чем его собственные родители. Тяжело вздохнув, я рассказала маме о встрече и даже упомянула, что он опять не заметил моего прихода. В ее темных глазах промелькнуло беспокойство, ведь она тоже помнила, чем все закончилось в прошлый раз.

Когда я договорила, мама сняла очки и немного повертела их в руках.

– Я слышала о Рисе, – наконец сказала она.

Что значит она слышала о Рисе? О нашей интрижке, которая на самом деле никакой интрижкой не была? Мы с мамой многим делились, но в эту тайну я ее не посвящала.

– По-моему, очень мило с его стороны, что он нашел тебя вчера, чтобы рассказать о Генри, – продолжила она, и я вздохнула с облегчением.

Слава богу, она говорила не о наших любовных похождениях.

– Откуда ты об этом узнала?

– Мне его мама вчера сказала, – улыбнувшись, объяснила она, а потом хитро посмотрела на меня. – Кажется, он с ног сбился, чтобы тебя найти. Слышишь, Рокси? Любопытно, не находишь?

– Ма-а-ам, – простонала я и закатила глаза.

Само собой, она знала, что я втюрилась в него, как только он переехал в соседний дом. Я почти не сомневалась, что в прошлый День благодарения они с мамой Риса сговорились, надеясь нас свести, потому что обе делали недвусмысленные намеки и сокрушались, как печально, что мы до сих пор одиноки. В конце концов брат Риса даже подавился картофельным пюре, не в силах сдержать смех.

Тот праздник был весьма неловким, а значит, в этом году следовало готовиться к худшему, ведь наша недоинтрижка случилась вскоре после Дня благодарения.

– Рокси, он хороший парень, – продолжила мама, словно рекламируя Риса. – Он сражался за свою страну и вернулся домой, а теперь выбрал работу, где подвергает опасности свою жизнь. А в прошлом году, с тем парнем, ему пришлось принять тяжелое…

– Ма-а-ам, – снова взмолилась я.

Я все же сумела перевести разговор с Риса на скорое появление первого внука. Когда мне настало время собираться на вечернюю смену в бар, мама тепло обняла меня на прощание. Отстранившись, она посмотрела мне прямо в глаза.

– Мы не поговорили о Генри и не обсудили, чего он хочет, но знай: мы с отцом поддержим тебя в любом решении.

К глазам подступили слезы, и мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы не разреветься. Боже, как я любила своих родителей! Они были чересчур хороши для меня.

– Я не хочу с ним говорить, – сказала я, – даже видеть его не хочу.

Печально улыбнувшись, мама кивнула, и я поняла, о чем она думает. Родители хотели, чтобы я наконец избавилась от тяжкой ноши, которая лежала у меня на плечах.

– Если ты этого хочешь – мы с тобой, – заверила меня мама.

– Я так хочу, – подтвердила я.

Она потрепала меня по щеке и вылетела из квартиры так же стремительно, как и появилась. Закрыв за ней дверь, я поняла, что вздремнуть уже не успею.

Но это и к лучшему, ведь я рисковала снова увидеть Риса во сне, а этого мне совсем не хотелось. Не теряя времени, я составила список приоритетов.

Первое: сходить в душ. Начинать всегда стоит с малого.

Второе: я должна перестать грезить о нем. Сказать было легко, а вот сделать… И все же этот пункт значился в самом начале списка приоритетов.

Третье: я также должна перестать рисовать его глупое, хотя и сексуальное, лицо.

И, наконец, четвертое: я должна открыться Рису при следующей встрече и рассказать всю правду о той ночи. Я могла избавиться хотя бы от этой ноши. Мне нужно было это сделать, потому что у меня из головы никак не выходил его короткий вопрос.

«Я сделал тебе больно?»

Поджав губы, я постаралась не обращать внимания на чувство вины, которое терзало меня. Рису и так было достаточно проблем. Не хватало еще, чтобы он чувствовал себя виноватым за то, чего не было. Я вошла в свою спальню и скинула одежду на пол, раздумывая, как мне во всем ему признаться.

Что-то мне подсказывало, что он будет недоволен.

Но знай я, что он думал так все это время, все давно бы ему рассказала. Правда. Моя обида и рядом не стояла с той горечью, которую он чувствовал, полагая, что наломал дров.

Прикусив губу, я прошла по комнате к стенному шкафу. Дверцы были открыты, и холодный ветерок заставил меня поежиться. По моей обнаженной коже побежали мурашки. Проблемой викторианских особняков были сквозняки, которые бродили по дому даже летом. Однажды мистер Сильвер сказал мне, что в этом доме до сих пор остались тайные ходы, проходы под лестницами и заложенные кирпичами двери.

Если уж на то пошло, парадная лестница, которая вела в квартиры на втором этаже, находилась прямо за стеной моей спальни.

Развернувшись, я захлопнула дверцы шкафа. Это было глупо, ведь я стояла в комнате в чем мать родила, но раздумывать я не стала.

Собираясь на работу я снова начала обдумывать, как выложу Рису всю правду. В глубине души я понимала, что ничем хорошим это не кончится. Волноваться мне не стоило, но не волноваться я не могла.

У меня не возникало сомнений, что после моего признания он не только будет жалеть о той ночи, которой на самом деле не было, но и возненавидит меня, поняв, что я ему солгала.

Глава 5

В субботу вечером в баре было не протолкнуться. Джекс уже уехал с Каллой в Шепардский университет в Западной Вирджинии, поэтому за стойкой нам не хватало рук. Клайд все еще был на больничном после перенесенного в прошлом месяце инфаркта. Работавший у нас на подхвате повар Шервуд носился как угорелый.

Народу было так много, что я едва успела заметить, как Ник сунул свой телефон, написанный на фирменной салфетке, какой-то девчонке в коротких джинсах.

– Еще одна повержена, – бросила я, протискиваясь мимо него, чтобы взять две бутылки пива.

Он подозрительно на меня посмотрел.

Хихикнув, я развернулась к нему спиной и поставила пиво на стойку. Заказавшие выпивку парни казались вполне обычными: темные джинсы, простые футболки, – но я знала, что они вращались в сомнительных кругах. Я видела их обоих с Маком, который работал на одного типа из Филадельфии по имени Исайя, а все жители этого города знали, что от Исайи лучше держаться подальше. Впрочем, «работе» Мака уже пришел конец, потому что летом его нашли с простреленной головой на пустынной дороге. Насколько я поняла, именно он угрожал Калле, после того как ее мама ввязалась в неприятности, а Исайя не слишком обрадовался, когда полиция неожиданно обратила на него внимание.

Теперь я радостно улыбнулась парням и сказала:

– За счет заведения.

– Спасибо, дорогуша, – подмигнул мне старший из двоих, с угольно-черными волосами.

Я решила, что с потенциальными хулиганами лучше быть накоротке. Мало ли, вдруг мне понадобится от кого-то избавиться. Ха-ха.

Рис, видимо, работал, поэтому четвертый пункт моего списка был временно поставлен на паузу. Не буду врать: я несказанно этому обрадовалась, потому что с ужасом ждала момента истины. К тому же у меня был номер его телефона, так что я вполне могла написать ему и назначить встречу или вообще написать всю правду в сообщении.

Но это было бы так глупо, что мне пришлось бы саму себя заказать местной мафии.

К счастью, на рефлексию времени не было, потому что я бегала от клиента к клиенту и собирала чаевые. В начале первого я приготовила чертов «секс на пляже», подняла глаза и увидела Дина, который стоял у края стойки.

Вот черт.

Когда я подняла голову, он тоже меня увидел. Черт. Я стояла за стойкой, а он смотрел прямо на меня. На миг мне даже захотелось нырнуть за шкаф.

– Привет, – сказал он и нашел единственный свободный стул в целом мире. – Тяжелая ночка.

Я почувствовала, как к щекам приливает краска. Я ведь так и не ответила на его сообщение. После ухода мамы я совсем о нем забыла.

– Да, не из легких… да и день тоже.

Поставив на место ананасовый сок, я поморщилась. Такой тяжелый день, что даже на сообщение времени не нашлось? Полный бред. Снова повернувшись к Дину, я улыбнулась ему, как улыбалась всем посетителям бара.

– Что тебе налить?

Он моргнул. У него были голубые глаза, но светлее, чем у Риса. Проклятье! Не хватало мне о цвете его глаз сейчас подумать.

– «Бад», пожалуй.

Кивнув, я быстро повернулась, чтобы взять ему пиво. Когда я поворачивалась обратно, Ник удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я положила на стойку салфетку и поставила на нее бутылку пива.

– Открыть счет или заплатишь сразу?

Он снова моргнул, а затем откинулся назад и вытащил кошелек.

– Плачу сразу, – сказал он и протянул мне десятку. – Сдачи не надо.

– Спасибо, – пробормотала я, не желая брать его деньги, но потом вспомнила, что скоро платить за квартиру, да и новый набор акварели я уже присмотрела, так что… Глубоко вздохнув, я взглянула на него и забрала купюру. – Слушай, Дин, вечер был хороший…

– Привет, Рокси-мокси!

Я опешила при звуке голоса Кэти и повернулась к ней. Поразительно, что она сумела подкрасться незаметно. Впрочем, в баре яблоку негде было упасть, а она в кои-то веки оделась подобающе. Почти.

Кэти работала в мужском клубе через дорогу. Иными словами, она танцевала стриптиз и обожала свое занятие. В ее обычной одежде большинство людей и за порог бы не вышло. Но сегодня ее длинные ноги были обтянуты ярко-розовыми кожаными брюками, а открытый топ напоминал фиолетовый диско-шар.

Дин посмотрел на нее как на пришелицу, которая вдруг вошла в бар.

– Воу! – воскликнула я и по привычке потянулась к бутылке «хосе» и маленьким стопкам. – Как работа?

Протиснувшись между взрослой дамой и Дином, Кэти заняла маленькое пространство, которе еще оставалось у стойки.

– Скучно! Я чуть не уснула, пока соскальзывала с шеста.

– Это могло плохо кончиться, – заметила я и налила ей текилы.

– Так ты свободна в воскресенье вечером? – вклинился Дин, прижимая локти к бокам, словно боялся дотронуться до Кэти и что-нибудь от нее подцепить.

Мне это не понравилось.

Кэти пришла мне на помощь, взяв стопку пальцами с длинными голубыми ногтями.

– Она свободна, но с тобой никуда не пойдет, если только твоя фамилия не Винчестер. – Она изогнула бровь, окидывая его взглядом, и я пораженно раскрыла рот. – А ты явно не Дин Винчестер.

– Прошу прощения? – пробормотал он, заливаясь краской.

– Что? – Кэти пожала загорелыми плечами. – Милый, я тебе по-хорошему говорю, что тебе с ней ничего не светит.

– Кэти, – прошипела я.

Дин повернулся ко мне.

– Неловко вышло, – бросила Кэти.

Я пронзила ее взглядом.

Она поджала губы, изобразила поцелуй и опрокинула стопку текилы.

– Помнишь, что я тебе говорила? – Она с грохотом поставила стопку обратно, и ее соседка поспешила отойти от греха подальше. Кэти постучала пальцем по своему виску. – Ты уже знакома с мужчиной, с которым вместе состаришься.

О боже. Я прекрасно помнила, как она сказала мне, что я уже встретила любовь всей своей жизни, утверждая, что она поняла это благодаря дару ясновидения, который открылся у нее после того, как она упала с намазанного маслом шеста.

Такое случалось только с моими знакомыми.

Я очень сомневалась, что уже встретила любовь всей своей жизни, и надеялась, что этого все же не произошло, но она говорила мне и другое. Одно из ее предсказаний на самом деле сбылось.

И оно было связано с Рисом.

Кэти поморщилась, взглянув Дину в спину.

– И это не он. Скажи лучше, Рокси-мокси, мы завтра обедаем вафлями? – Когда я кивнула, она махнула рукой. – Тогда пока!

Потрясенная, я смотрела, как Кэти пробирается к выходу из бара. Я давно ее знала, но она до сих пор порой умудрялась загнать меня в тупик.

– Что-то с этой девушкой не так, – раздраженно заметил Дин. – Не знаю, как ты ее вообще выносишь.

– С ней все совершенно в порядке, – сказала я, глядя на него, и он удивился моему ответу. – Прости, мне надо работать.

Он снова моргнул.

– Ничего. Поговорим позже.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что этому не бывать, но он уже развернулся и растворился в толпе. Покачав головой, я пошла к другому концу стойки. Мне не пришлось говорить Нику ни слова: он быстро занял мое место, и я приступила к исполнению заказов. Немного позже я снова подняла голову и встретилась взглядом с Дином. После этого я его не видела.

Остаток ночи пролетел незаметно. Мы исполнили последние заказы, прибрались, собрали чаевые и сняли кассу. Обычно, когда мы с Ником вместе закрывали бар, ничто не нарушало тишины, кроме музыки. Как правило, я находила самую мерзкую песню в мире и врубала ее на полную катушку, но на этот раз настроения у меня не было.

Зато настроение было у Ника, который неожиданно захотел поболтать.

– Что это за парень с тобой разговаривал?

Я захлопнула кассу и записала сумму выручки в составленной Джексом таблице. Однажды этот бар встанет на ноги, и у нас появится настоящая система кассовых терминалов, подумала я. Но мечтать не вредно. Вздохнув, я повернулась к Нику и навалилась на стойку, которую он как раз протирал.

– Мы с ним однажды сходили на свидание.

– Второго не будет?

– Нет, – пожав плечами, ответила я. – Не горю желанием.

Ник закинул полотенце на плечо и подошел ко мне.

– Проблем от него не будет?

Ребята из бара – Джекс и Ник – вечно опекали меня, как и Клайд.

– Нет, проблем не будет. Думаю, он сегодня понял намек, – сказала я и посмотрела на Ника. – К тому же я тебе не младшая сестра, так что ты не обязан отгонять от меня всех парней.

– Сестры у меня и вовсе нет.

– Неважно.

– Зато есть младший брат. – Он поставил руки по обе стороны от меня и наклонил голову. Оказавшись так близко к нему, я разглядела, что глаза у него скорее зеленые, чем карие. А мы стояли так близко, что мама не горюй. – К тому же, Рокси, при мысли о тебе слово «сестра» уж точно не приходит мне в голову.

– Да? – пробормотала я, почувствовав, как очки соскальзывают с носа.

– Я бы узнал тебя поближе, – заявил он так просто: бам, прямо в лицо.

От удивления у меня округлились глаза. За многие годы работы в этом баре Ник в жизни не проявлял ко мне никакого интереса.

– Э-э…

Он едва заметно улыбнулся.

– Но тогда я не смог бы здесь больше работать, поэтому ничего не будет. Может, я и сделал бы для тебя исключение, но это не главная причина, по которой… – он поднял руку и коснулся кончика моего носа, – я не пойду с тобой на это.

Я с секунду смотрела на него, польщенная и пораженная.

– Спасибо. Наверное.

Подмигнув мне, он отстранился, снял с плеча полотенце, взял чистящее средство и разбрызгал его по стойке. Мой мозг не сразу вернулся к работе. Я поправила очки.

– Что ж, я бы… тоже не отказалась с тобой зажечь, но потом нам было бы не избежать неловкости.

Ник усмехнулся.

– Так ты правда просто спишь с девчонками и больше никогда с ними не встречаешься? – Может, для кого-то любопытство и было пороком, но я всегда шла у него на поводу.

– Я не люблю обязательств.

– Вторую встречу обязательством не назовешь, – заметила я, полагаясь на очевидную логику. – Я еще могу понять, если тебе не хочется второй раз с кем-то спать, но что такого в обычной встрече?

Он взглянул на меня через плечо.

– Такой уж я.

– Понятно, – пробормотала я, качая головой. – Значит, ты сердцеед?

Ответом мне стал лишь тихий смешок. Вскоре мы закончили уборку после этой странной ночи в баре. Ключи были у меня, так что, когда Ник открыл дверь, я не обратила внимания на то, что происходит снаружи. Пока я возилась с замком, Ник усмехнулся, и я сначала решила, что он смеется надо мной. Когда я наконец

бросила тяжелую связку ключей в свою сумочку и развернулась, я поняла, над чем он смеялся.

– Что… – начала я и тут же осеклась. Сердце громко застучало у меня в груди.

Рядом с моей «джеттой» стояла полицейская машина, к пассажирской дверце которой привалился чертовски сексуальный полицейский, его длинные ноги были скрещены в лодыжках, а руки сложены на соблазнительной груди.

Меня ждал Рис.

Уже не вспоминая о своем списке приоритетов, я смотрела на него в тусклом свете фонаря. Меня окутала ночная духота, а Рис тем временем отошел от машины. Я изучала его, думая, как красивы его бедра в форменных брюках.

Боже, он шел с такой дьявольской грацией, за которую и убить мало.

Ник наклонился и шепнул мне на ухо:

– А вот и главная причина, по которой я не собираюсь с тобой связываться.

Я чуть не упала.

– Привет, друг, – сказал Ник, хлопнув Риса по плечу, и пошел дальше. – Доброй ночи. Увидимся в среду, Рокси.

– Пока-пока, – ответила я, не отводя глаз от Риса.

Что он здесь делал в половине третьего ночи? Я уже не в первый раз выходила в такое время из бара и обнаруживала Риса на парковке. До «роковой ночи» он частенько заглядывал ко мне, когда работал в ночную смену и прерывался на обед.

Но я не ожидала, что он сделает это снова.

Мотоцикл Ника взревел на безмолвной парковке. Мне нужно было что-то сказать, потому что мы с Рисом стояли в нескольких шагах друг от друга и молчание уже затянулось.

– Привет.

Отличное начало.

Рис опустил глаза.

– Что?.. – Он рассмеялся, и от этого у меня в животе тотчас запорхали бабочки. – Что написано у тебя на футболке?

Я взглянула на футболку, пытаясь сдержать улыбку.

– «Дамский угодник». Что такого?

Длинные густые ресницы Риса дрогнули, и он снова рассмеялся своим приятным легким смехом.

– Ты просто нечто, Рокси.

Переступив с ноги на ногу, я прикусила губу.

– Не знаю даже, хорошо это или мне пора бежать от тебя, сверкая пятками, – призналась я.

Он сделал еще шаг вперед. Значок у него на груди ослепительно сиял прямо на уровне моих глаз.

– Это хорошо, – сказал он.

Я тяжело вздохнула, когда ветерок бросил прядь волос мне в лицо. Что вообще творилось? Я осмотрела пустую парковку. Со стоянки стрип-клуба через дорогу начинали выезжать машины.

– Ты… на обеде?

– Ага. Я работаю до семи утра, – ответил Рис, а затем все случилось так быстро, что я даже не заметила, как он двигается, пока кончики его пальцев не коснулись моей щеки. Он поймал выбившуюся прядь и заправил ее мне за ухо. Ощутив его прикосновение к чувствительной коже, я забыла, как дышать, и вся затрепетала.

Частота моего пульса зашкаливала.

– Что ты здесь делаешь, Рис?

На его прекрасных губах появилась легкая улыбка.

– Знаешь, сначала я и сам не знал. Просто ехал мимо, думал, что пора бы пообедать, а потом случайно завернул на эту парковку. И вспомнил, как мы раньше здесь встречались.

Я растаяла от его слов. Глупо, конечно, но меня поразило, что он все это помнит. Я-то думала, что одна хранила эти воспоминания. Я взглянула на него, чувствуя легкое головокружение, которое не имело ничего общего ни с жарой, ни с его огромным ростом.

– И?

– Ты устала?

На мой вопрос он не ответил, но я все же покачала головой.

– Нет.

Его глаза в тусклом свете казались темно-синими.

– Я тут задумался. В голову полезли безумные мысли, – сказал Рис.

– Безумные мысли? – удивилась я.

Он кивнул и улыбнулся чуть сильнее.

– Совершенно безумные. Я подумал: может, нам начать все сначала?

– Сначала? – Я словно превратилась в куклу, которая эхом повторяла его слова.

– Да, нам с тобой.

Это я и так поняла.

– И я думаю, что это чертовски хороший план, – продолжил он и сделал еще шаг вперед, после чего оказался ко мне так же близко, как чуть раньше стоял Ник, но тогда я ничего не почувствовала, а теперь нырнула в океан ощущений, поглотивший меня с головой. – Надеюсь, ты согласишься.

– Какой план?

Рис снова протянул руку и на этот раз поправил мне очки.

– Давай забудем о той ночи. Я понимаю, мы не можем сделать вид, будто ее не было, но ты сказала, что… я не сделал тебе ничего плохого, а я знаю, что ты не стала бы об этом лгать, – сказал он, и мое сердце провалилось куда-то в живот. Лгать? Я? Да никогда. – Но мы ведь можем пойти дальше?

– Зачем? – Вопрос сорвался у меня с губ, и Рис изогнул одну бровь. – Точнее, почему сейчас?

На мгновение повисла пауза.

– Мы были друзьями, и я скажу честно, малышка, я скучаю по тебе. Но я устал по тебе скучать. Вот почему сейчас.

Сердце подпрыгнуло у меня в груди. Он скучал по мне? Он устал по мне скучать? О боже, мой разум словно закоротило. Я не знала, как на это ответить. Я одиннадцать месяцев проклинала и сторонилась его, а теперь просто не знала, что сказать. Он жалел о той ночи, которой вовсе и не было, и мечтал, чтобы ее не случилось, но при этом стоял передо мной и хотел начать все сначала.

И я снова чувствовала надежду. Ее искра опять разгоралась у меня в груди. Казалось, мне снова пятнадцать и он впервые улыбался мне с соседней лужайки. Казалось, он снова провожал меня до класса. Казалось, он снова обнимал меня по возвращении домой.

Казалось, я снова везла его домой той ночью.

Это была та же надежда, которую я уничтожала одиннадцать месяцев, но которая никуда не пропала, несмотря на смущение и чувство вины.

– Тебя устроит такой ответ? – В его тоне я почувствовала шутливый вызов, из-за которого мне захотелось улыбнуться, но я стояла в замешательстве.

Мне нужно было рассказать ему, что на самом деле случилось той ночью. Я понимала это, но он хотел начать все сначала, а как можно начать сначала, обращаясь к прошлому – к той ночи, которую он и вовсе хотел навсегда забыть?

Рис тихонько потянул меня за руку.

– Что скажешь, Рокси? Пообедаешь, поужинаешь или позавтракаешь – называй как хочешь в три часа ночи – со мной?

Как я могла не согласиться?

Глава 6

Мы с Рисом сидели в круглосуточном кафе неподалеку от бара. Все выглядело знакомым и в то же время необычным. Такое впечатление, что я проникла в жизнь другого человека, с которым была очень близко знакома.

Кафе словно вымерло – лишь за одним столиком сидели студенты, которые старались не казаться пьяными в присутствии полицейского и нескольких водителей грузовиков. Рису быстро принесли кофе, а мне – сладкий чай. Мы решили, что это будет завтрак.

Сначала я испытывала неловкость, сидя напротив него по-турецки, и теребила штанину своих брюк. Над головой ярко светили лампы. Я не знала, что говорить и что делать, поэтому слушала тихие сообщения, которые каждые пять секунд передавали ему по рации.

Однако Рис прервал неловкое молчание.

– Я видел, Томас сделал себе еще один пирсинг.

Обхватив рукой прохладный стакан, я кивнула.

– Да, он проколол бровь на прошлой неделе. Когда я его вижу, мне хочется взять цепочку и пропустить ее сквозь серьги у него в брови, в носу и в губе.

– Сдается мне, он не станет возражать, – усмехнулся Рис. – Твой отец зовет его «железным лицом».

Я покачала головой.

– Через несколько месяцев Томасу стукнет восемнадцать, и он убедил родителей, что после этого сделает себе татуировку на лице. Хочет набить себе застежку-молнию, которая будет начинаться у него на затылке и заканчиваться между бровей.

– Он ведь не всерьез? – пораженно спросил Рис.

– Думаю, нет, – рассмеялась я. – Тогда ему придется отрезать свои прекрасные кудряшки, а он вряд ли на это пойдет. Подозреваю, он просто их пугает. Ну, чтобы… – Я замолчала, когда в кафе раздался грохот.

Откинувшись на спинку красного дивана, Рис взглянул на студенческий столик. Кто-то разлил свой напиток, что показалось всем студентам невероятно смешным. Они хохотали как стая гиен. Я снова взглянула на Риса. У него был прекрасный профиль. Пожалуй, резкая линия подбородка делала его лицо исключительным. Эту линию было совсем не сложно начертить одним мазком кисти или углем. Я могла бы нарисовать его портрет углем! Так, стоп. В списке моих приоритетов точно был пункт о том, что мне пора перестать писать его

портреты.

Да, с приоритетами у меня было плохо.

Рис повернулся обратно ко мне, и я вспыхнула. Я ведь глазела на него, а он поймал меня с поличным. Его улыбка лучилась мальчишеским очарованием. Я так и трепетала при виде нее.

– Ты все еще учишься на графического дизайнера?

Что? Я не сразу поняла, о чем он говорит.

– Да, на онлайн-курсах. В этом семестре у меня только два предмета, – пожав плечами, ответила я. – Дорогие, зараза.

– Сколько тебе осталось?

– Еще пару лет, – сказала я и глотнула чая. Ох уж этот сахар! – Я беру по два предмета за семестр, так что продвигаюсь черепашьими шажками, но когда закончу…

– То что?

Я открыла было рот, но вдруг нахмурилась.

– А знаешь, хороший вопрос. Я понятия не имею. Пожалуй, мне стоит об этом подумать.

Рис снова усмехнулся и положил руки на стол.

– Рокси, тебе двадцать два. Ты пока можешь ни о чем не думать.

– Такое впечатление, что я еще под стол пешком хожу, – обиделась я. – Тебе самому всего двадцать пять.

Может, он и правду говорил, но внутри меня уже зарождалась паника. Когда я окончу колледж, продолжу ли работать в баре, буду ли в свободное время подрабатывать веб-дизайном или найду «нормальную» работу, как советовали мне некоторые не в меру любопытные люди?

– Мне нравится работать в баре, – заявила я.

– Еще бы! Работать на Джекса – одно удовольствие, – сказал Рис, чуть наклонив голову набок. – А общаться ты умеешь.

– И чаевые у меня о-го-го, – улыбнулась я.

Он взглянул на мои губы, а затем снова посмотрел мне в глаза.

– Не сомневаюсь.

Мне стало тепло от этого маленького, ненавязчивого комплимента. Неужели я так отчаянно нуждалась в признании, что готова была вилять хвостом, услышав любое доброе слово? Или дело было в том, что оно исходило от Риса?

Густые ресницы опустились и закрыли его кобальтово-синие глаза. Когда он снова посмотрел на меня, эти глаза светились так ярко, как никакие другие.

Да, дело было в том, что комплимент сделал Рис. Кого я обманывала?

Отмахнувшись от этих мыслей, я взяла бумажную упаковку, из которой достала соломинку, и принялась разрывать ее на мелкие кусочки.

– Но разве можно получить диплом графического дизайнера и продолжать работать в баре?

– Разве можно перестать заниматься любимым делом ради нелюбимого? – возразил Рис.

Мои губы сложились в идеальную букву «О». Если так говорить, конечно, смысла не было никакого.

– Слушай, ты помнишь, как разозлился мой отчим, когда узнал, что ни я, ни мой брат не собираемся в колледж?

Я кивнула. Рис и его брат, Колтон, никогда не хотели поступать в колледж, хотя их отчим, Ричард, этого совсем не одобрял. Он настаивал на высшем образовании, желательно в юридической сфере.

– Я по сей день не жалею, что не пошел в колледж. Я рад, что отслужил в морской пехоте и стал полицейским по возвращении, – сказал он, пожимая плечами. – Мне нравится быть копом, хотя порой и бывают моменты, когда все это… – На его лицо набежала тень, и я подумала, что он вот-вот скажет о том, что случилось: о той перестрелке, которая на некоторое время выбила его из колеи.

Глядя на него, я вспоминала, как тяжело Рису далась та передряга, что случилась полтора года назад. Я не знала, что он видел на войне, но прекрасно знала, что его там ранили, хотя предпочитала об этом не думать. Именно поэтому он и вернулся домой. И все же та перестрелка его сильно потрясла. Хотя Рис не отталкивал меня в то время, в итоге его спас Джекс.

– Даже когда мне чертовски сложно, я не жалею о собственном выборе.

Почему-то я расстроилась, что он не упомянул о «сложной ситуации». Хотя мы с Рисом были близки, когда он разбирался с этим дерьмом, он никогда не говорил о перестрелке. Похоже, он не хотел говорить о ней и сейчас.

– У каждого свои представления о счастье, – продолжил он. – Ричард смирился с нашим выбором, пускай и не сразу. Теперь он не возражает, потому что знает, что мы с Колтоном счастливы. – Рис сделал паузу. – Твоим родителям неважно, продолжишь ли ты работать в баре или найдешь другую работу. Они просто хотят, чтобы у тебя все было хорошо.

– Знаю, – ответила я, и это была чистейшая правда.

Рис протянул руку, обхватил мое запястье своими длинными пальцами и медленно отвел мою руку от горы обрывков, которые я нарвала.

– Пойми, ты не обязана жить жизнь за Чарли.

У меня глаза на лоб полезли.

– Ты не обязана идти в колледж за него просто потому, что он этого не может. – Рис повернул мою руку и провел большим пальцем по внутренней стороне запястья. – Чарли бы этого не хотел.

Я целыми днями гадала, что делаю и зачем, а Рис без труда разложил все по полочкам, после того как мы почти год и слова друг другу не сказали. Он потряс меня до глубины души, ведь отчасти мне не хотелось признавать, почему я делала то, что делала.

Или почему я не делала другого.

Рис снова провел пальцем по моей руке, привлекая внимание. Подушечки его пальцев были грубыми: он много работал. Но его движения и слова казались такими мягкими, что я чуть не пищала от счастья.

Прежде чем я придумала, что ответить на такое заявление, нам принесли еду, и Рис отпустил мою руку. Но, вместо того чтобы отдернуть пальцы, он провел ими по всей тыльной стороне моей ладони. Не в силах сдержаться, я вздрогнула.

Разговор перешел на более легкие темы.

– Думаешь, сколько Джекс продержится, до того как рванет обратно в Шепард? – спросил Рис, ломая свой бисквит, утопающий в сиропе.

Я рассмеялась и взяла кусочек бекона из индейки.

– Ник меня о том же спросил. Джекс должен вернуться в середине недели, но я сомневаюсь, что он протянет еще хоть неделю и не сорвется ее повидать.

– Я тоже, – широко улыбаясь, согласился Рис. – Он совсем голову потерял.

– Они друг другу очень подходят.

– Верно, – кивнул Рис. – Джекс это заслужил.

Когда мы позавтракали, время близилось к четырем, и Рису пора было возвращаться на службу. Он оплатил счет, не обращая внимания на мои протесты, отчего я снова почувствовала себя шестнадцатилетней.

Он проводил меня до машины, припаркованной возле его полицейского автомобиля.

– Я поеду за тобой до дома, – сказал он, открывая мне дверцу.

– Рис, – опешила я, – ты не обязан…

– Я на связи. Если меня вызовут, поеду. Тем более что мне все равно надо патрулировать местность, так что ничего особенного в этом нет. – Он положил свою большую руку мне на плечо и заглянул в глаза. – Уже поздно. Ты живешь одна. Я провожу тебя до дома и удостоверюсь, что ты добралась без происшествий. Либо соглашайся, либо мне придется следить за тобой исподтишка.

Я удивленно вскинула брови.

Он снова хитро улыбнулся и наклонил голову.

– Не заставляй меня падать так низко.

– Ладно, так уж и быть, – рассмеялась я и искоса взглянула на него, садясь в машину. – Негодяй.

В ответ он усмехнулся, и мои губы растянулись в улыбке. Впрочем, всю дорогу домой я жалела, что не могу побиться головой о руль. Что я творила? Почему мне было так легко и радостно? Раз он хотел начать все сначала, это вовсе не значило, что он предлагал хоть что-то кроме дружбы. Но я нисколько не возражала, а еще считала, что вправе радоваться этому и забыть о гневе и смятении прошлой ночи. Я готова была снова оказаться в его френд-зоне.

Правда, для этого ему стоило перестать улыбаться мне столь обольстительной улыбкой и касаться моей кожи. Френд-зона не предполагала возможности прикосновений.

Когда я припарковалась у обочины, Рис остановился сзади. Я ничуть не удивилась, что он вышел из машины даже раньше меня.

– Проводишь меня до двери? – спросила я, надевая сумку на плечо.

– Конечно, – ответил он и захлопнул за меня дверцу машины. – Я ведь обязан защищать и служить.

Я изогнула бровь.

В воздухе пахло поздними розами, которые выращивала миссис Сильвер. Положив руку мне на талию, Рис подтолкнул меня на мощеную дорожку, ведущую к крыльцу особняка. Сквозь тонкую футболку я ощущала тяжесть его ладони. Все мысли о запрете прикосновений пошли прахом.

У Сильверов и у Джеймса с Мириам свет не горел, но окна квартиры прямо над моей тускло светились. Мне нужно было познакомиться с соседом. Я добавила этот пункт в свой изменчивый список приоритетов.

Остановившись у двери, я выудила ключи, отчаянно желая не замечать, что рука Риса по-прежнему покоилась у меня на талии, а мы стояли так близко, что его правое бедро почти касалось моего бока.

Взглянув на Риса, я глубоко вздохнула. В голове крутилось множество мыслей, но я не могла сформулировать ни единой фразы.

– Вот видишь, ты добралась без происшествий, – весело заметил Рис.

– Благодаря тебе.

– Хоть в чем-то я хорош.

– Ты во многом хорош.

Почему-то, когда эти слова сорвались с моих губ, они прозвучали более двусмысленно, чем я надеялась.

В темноте я не видела выражения его лица, но он повернулся, чтобы мы оказались лицом к лицу.

– Ах, Рокси, хотелось бы мне сказать, что уж ты-то знаешь, в чем именно я хорош, но я не могу этого сделать.

Черт! Похоже, мои слова и правда прозвучали двусмысленно, ведь он теперь говорил о той ночи, которую мы как раз собирались забыть. Она снова и снова о себе напоминала. Тут мой язык совершенно вышел из-под контроля.

– Ты был хорош, – сказала я, вспоминая, как он меня целовал. Пьяный в стельку или нет, целоваться он точно умел. – Очень хорош.

На его проклятых губах снова заиграла улыбка, отчего мои интимные места воспылали огнем, желая, чтобы он передвинул свою руку чуть ниже и левее.

– Так-так, Рокси, а я-то думал, что в той ночи не было ничего особенного.

Я и правда это сказала. А еще вдруг поняла, что мы говорим о разных вещах. Я имела в виду поцелуи, в то время как Рис говорил о сексе. Мне нужно было сказать ему, что случилось на самом деле.

– Рис, я…

– Я хочу сказать тебе прямо, – перебил он меня, наклонив голову, и я почувствовала на щеке его теплое дыхание. – Я сказал, что скучал по тебе и устал скучать.

– Да, все так, – пробормотала я, ничего не соображая.

– Но дело не только в этом, – продолжил он, и сердце быстро застучало у меня в груди. – Очевидно, между нами что-то есть. Неважно, насколько пьяным я был. Той ночи не случилось бы, если бы между нами ничего не было.

– Погоди. Ты ведь сказал, что жалеешь о той ночи. Что ты…

– Да, Рокси, я хотел бы, чтобы той ночи не было. Но только потому, что мне хотелось бы запомнить первый раз, когда я проник внутрь тебя. Малышка, я хочу запомнить каждую секунду этой близости и запечатлеть ее в памяти. Поэтому я и жалею о той ночи и надеюсь исправить ситуацию.

Мама дорогая, от его слов я мгновенно возбудилась. Так возбудилась, что даже забыла о том, что на самом деле он не был внутри меня. Ни один парень, даже сам Рис, никогда со мной так не говорил.

И мне это нравилось.

Как и моим интимным местам.

Однажды Кэти сказала мне, что знает одного парня, от слов которого она так и течет, но я ей не поверила. Теперь я верила каждому ее слову безоговорочно. Это было не просто городской легендой, а реальностью. Так, погодите. Он планировал исправить ситуацию?

– Знаешь, что в эти одиннадцать месяцев давалось мне тяжелее всего? – хриплым, низким голосом спросил Рис.

– Нет, – прошептала я.

– Видеть тебя с парнями, которые и минуты твоего времени не стоят. Я смотрел на них и думал, где ты только выкапываешь этих глупцов.

Я хотела было защитить свой вкус, но быстро закрыла рот. Да, последние несколько парней и правда были так себе. Не Дин. Он был просто никакой и… скучный.

– Ты встречалась с этими кретинами и убегала от меня.

– А ты стоишь моего времени? – спросила я, не в силах сдержаться.

Его улыбка была уверенной, высокомерной, раздражающе сексуальной.

– Малышка, ты не представляешь, насколько, – сказал Рис и плотнее обхватил меня за талию. – Рокси, я не хочу быть твоим лучшим другом. Совсем не хочу. Но если ты этого хочешь, я смирюсь. Я просто обязан все тебе объяснить. Чтобы мы были на равных. Чтобы ты знала, чего я на самом деле хочу.

Его рация затрещала, и диспетчер сообщил о ДТП в переулке неподалеку от моего дома. Не отводя от меня глаз, Рис поднял руку и нажал на кнопку, которую я и не заметила на рации.

– Это патруль три-ноль-один, – сказал он. – Выезжаю.

Отпустив кнопку, Рис сказал мне:

– Просто подумай об этом. – Затем он наклонил голову, коснулся губами моей щеки и быстро поцеловал меня в висок. – А теперь тащи свою милую задницу внутрь.

Как в тумане, я подчинилась его приказу. Только на пороге я развернулась, когда он был уже на полпути к машине.

– Рис!

– Да, Рокси? – отозвался он.

– Будь осторожен.

Я не видела, как он улыбнулся, но услышала это в его голосе.

– Я всегда осторожен, малышка.

И он уехал.

Мне снова было хорошо и легко, гораздо легче, чем когда-либо. У меня на языке словно растаял кусочек сахара. Окрыленная, я закрыла дверь и едва не раскинула руки и не закружилась в танце, как девушка из «Звуков музыки», но тут вдруг замерла. Из кухни доносился низкий гул, похожий на рев машины на

старте.

Забыв о Рисе и его словах о том, что дружбы ему мало, я быстро включила свет. Все было как обычно, но этот звук…

Я бросила сумочку на диван и медленно пошла по столовой, включая свет по пути. Дойдя до кухни, я поспешно нащупала выключатель.

Яркий свет залил кухню, и я тотчас нашла источник шума.

– Какого черта? – пробормотала я.

Прямо напротив меня работала посудомоечная машина. В этом не было ничего необычного, вот только я не включала посудомойку, перед тем как уйти на работу. А если бы я ее и включила, она бы давно все перемыла. Я смотрела на нее, чувствуя, как волосы встают дыбом.

Не дыша я подошла к посудомойке, ожидая, что она вот-вот оживет и зальется песней, как посуда из «Красавицы и чудовища». С трудом вздохнув, я взялась за ручку и открыла дверцу, прерывая цикл.

Наружу вырвался пар, и я отдернула руку. Дверца скрипнула и открылась полностью. В посудомойке было только две вещи: чашка, из которой я пила, перед тем как уйти на работу, и тарелка, с которой ела сэндвич.

И больше ничего.

Оставив дверцу открытой, я попятилась: ничего не понимаю. Может, я случайно нажала на таймер? Это казалось вполне реальным, но я вообще-то понятия не имела, как его включить.

По спине у меня пробежал холодок. Я скрестила руки на груди. Поворачиваясь вокруг себя, я изучала все уголки кухни. Затем, не на шутку перепуганная, я выбежала из кухни, оставив свет включенным, и не остановилась, пока не влетела в спальню и не закрыла дверь на замок.

Глава 7

– Ты еще веришь в привидений? – спросила я Чарли.

Он смотрел в окно и не отвечал, но я не собиралась сдаваться, проявляя истинное бесстрашие – прямо как девчонка в том фильме, который был у всех на устах. Я не помнила, как ее звали, но вместе с ней играл Тео Джеймс, так что фильм был сносным.

– Помнишь, мы вызывали призраков? – продолжила я, сидя в кресле с ногами. – Но нам тогда было лет по тринадцать, а за год до этого мы и вовсе клялись, что видели на улице чупакабру. Но неважно. По-моему, у меня в квартире поселилось привидение.

Чарли медленно моргнул.

Я глубоко вздохнула.

– В прошлую субботу пульт от телевизора оказался в холодильнике, а когда я вернулась со смены, работала посудомойка. Когда я пришла с работы в четверг, работал телевизор в моей спальне. Я выключила его, перед тем как уйти. Так что есть только три варианта: либо в моей квартире поселился призрак, либо там без моего ведома живет еще кто-то, либо я схожу с ума. И последнее, кстати, уже не кажется мне невозможным.

Мой нервный смех эхом пронесся по тихой палате. Правда в том, что меня пугали эти странности. Я рассказала о происходящем маме, с которой болтала по пути к Чарли, и она решила, что это точно проделки призрака. Хотя я и не видела привидений, все же я в них верила. Слишком уж много людей – здоровых, нормальных, совершенно адекватных – утверждало, что встречало их. Не может быть, чтобы хотя бы часть из этих свидетельств не была правдива. Но раньше в моей квартире ничего не происходило. С чего вдруг привидение решило начать свои проделки именно сейчас? А может, оно и раньше хулиганило, просто я этого не замечала? Боже, мне было страшно думать, что в моей квартире живет призрак.

Мне стоило купить в магазине побольше соли, желательно целое ведро. Соль помогала ребятам из «Сверхъестественного».

Вздохнув, я вытащила картину, которую принесла с собой, и показала ее Чарли. Я изобразила еще один пейзаж, на этот раз пляж городка Рехобот-Бич, куда родители возили нас летом. Песок на холсте блестел, словно на нем были рассыпаны тысячи крошечных бриллиантов. Рисовать океан было интересно, но он получился не совсем точно.

Потому что ни один океан не мог тягаться глубиной с глазами Риса.

Мне нужна была помощь.

Чарли не взглянул на картину, поэтому я встала с кресла и повесила ее на стену рядом с рисунком Берлоги Дьявола. Затем развернулась и потерла руками лицо. Без очков я чувствовала себя странно. Мне казалось, что я голая. М-м-м, голая. Я сразу подумала о Рисе.

Мне очень нужна была помощь.

Опустив руки, я едва сдержала желание побиться головой о стену. Я несколько секунд смотрела на Чарли, надеясь, что он обернется и хоть мгновение посмотрит на меня, но этого не случилось.

– Рис хочет оставить ту ночь в прошлом, – объявила я в тишине. Само собой, Чарли знал всю правду о той ночи. – Он пояснил мне, почему сожалел о случившемся. – Я усмехнулась. – Было бы гораздо проще, если бы он сказал все сразу. Он рассказал мне, что к чему, что не хочет быть мне просто другом. И довольно ясно выразился: сказал, что… стоит моего времени.

Я представила, что Чарли согласился с этим, а затем подошла обратно к креслу и упала на подушку.

– Он не сказал, что хочет стать моим парнем или что хочет со мной встречаться. Так далеко наш разговор не зашел. Но в среду ночью он пришел в бар, и мы болтали, совсем как раньше. Он со мной флиртовал. – Я подтянула колени к груди, положила на них подбородок и тяжело вздохнула. – Я не сказала ему, что

на самом деле случилось. Ты ведь знаешь, он ненавидит ложь. Да и когда мне было ему рассказать? Эй, ты думаешь, что тебе перепало, но на самом деле нет. Столько времени прошло, что я не знаю, как к этому подступиться.

Чарли ничего не ответил, но я не сомневалась, что он меня понял. Исправить одиннадцать месяцев вранья было не так-то просто, но Чарли все равно велел бы мне сознаться, если бы только мог говорить.

Некоторое время я продолжала свой монолог, а затем взяла «Новолуние» и остаток времени читала вслух. Собравшись уходить, я сунула потрепанную книгу обратно в сумку и встала с кресла.

Помимо членов моей семьи Чарли был единственным, кого я по-настоящему любила. И проходить через то, что я прошла с ним… Сама мысль о том, чтобы любить кого-то столь же сильно, как я любила Чарли, и снова ощутить такую боль, безмерно ужасала меня.

Черт.

Если честно, возможно, именно этим и объяснялся мой ужасный вкус в парнях. Ни с кем из них я не планировала строить отношения. Никто из них не представлял угрозы моему сердцу, за исключением Риса, а он всегда был рядом. Пусть он и хотел со мной переспать, стоило ему узнать, что я солгала, как всему настал бы конец. Так что он тоже был неопасен. Я могла мечтать о нем и вожделеть его, но понимала, что он все равно ускользнет от меня, прежде чем я успею всерьез его полюбить.

Не отводя глаз от Чарли, я молча стояла рядом. Тени у него под глазами и на скулах были темнее. Казалось, за неделю он осунулся и стал совсем хрупким. Волосы на висках как будто поредели.

Меня захлестнуло чувство вины. Я не могла не думать, что он не оказался бы в таком состоянии, если бы я той ночью прикусила язык, просто отошла от Генри Уильямса и его приятелей и не оскорбилась его грубыми замечаниями. Не я взяла тот камень и не я швырнула его, но в некотором роде без меня все же не обошлось.

А расплачиваться за это пришлось Чарли.

У меня родилась ужасная, отвратительная мысль. Я даже не хотела ее заканчивать, но она уже успела мною овладеть. Закрыв ладонью рот, я подавила стон.

Не лучше ли ему было погибнуть в тот вечер?

Боже, я поверить не могла, что подумала о таком. Это было неправильно. Я была ужасным человеком. Но внутренний голос по-прежнему звучал у меня в голове, хоть я и приказывала ему заткнуться.

Разве это можно назвать жизнью?

Это был вопрос века. Стоя возле Чарли, я вспомнила, как Рис сказал мне, что я пытаюсь прожить его жизнь. Если уж совсем начистоту, я и правда понимала, что некоторые решения приняла только потому, что Чарли не мог их принять.

И, может быть… Может быть, потому что я…

Закончить эту мысль я не смогла.

Я почувствовала свою беспомощность. Когда я пришла, сестра Вентер сказала, что Чарли снова стал отказываться от еды. Она дала мне тарелку картофельного пюре, которое он обычно ел, но все мои увещевания съесть хоть ложку так ни к чему и не привели. Сестра сказала, что им придется кормить Чарли через трубку, если до конца недели к нему так и не вернется аппетит. Я этого не хотела. В прошлый раз он сумел ее вытащить, после чего его привязали к постели. Я ничем не могла ему помочь, но попытаться стоило.

Взяв тарелку и пластиковую ложку, я зачерпнула немного комковатой белой массы. Как только я поднесла ложку к лицу Чарли, он отвернулся. Я этого не поняла. Он не замечал моего присутствия, но при этом воротил нос от еды. Десять минут я пыталась его покормить, но в конце концов отставила тарелку на небольшой столик возле его кресла.

Обогнув кресло, я встала на колени перед Чарли, спиной к окну.

– Чарли, у меня к тебе просьба, – сказала я, и наши взгляды встретились. Это было сродни удару под дых, потому что он смотрел на меня, но меня не видел. От переизбытка чувств мне было трудно говорить. – Поешь, пожалуйста, когда тебе принесут ужин.

У него на лице не отражалось ни единого намека на эмоции.

– Если ты не поешь, тебя будут кормить через трубку. Помнишь, как она тебе не понравилась? – Я снова попыталась до него достучаться и взяла его лицо в ладони. Он поморщился, но другого ответа я не добилась. – Прошу тебя, Чарли, поешь.

Поднимаясь, я поцеловала его в лоб.

– Увидимся в следующую пятницу, милый.

Сестра Вентер ждала меня в коридоре. Ее темные волосы с проседью были собраны в небрежный пучок. Я решила, что она пришла узнать, не произошло ли каких-то изменений в поведении Чарли.

– Он такой же, как и весь последний месяц, – сказала я и пошла по широкому коридору. – Я не смогла заставить его съесть хоть немного пюре. Я ничего не понимаю. Он вообще меня не замечает, но ложку видит прекрасно.

– Рокси…

– Ему нравилось йогуртовое мороженое, – предложила я, когда мы дошли до двойных дверей, ведущих в приемную. – Может, я привезу его завтра перед работой? У меня есть время.

– Милая, – сказала сестра, ласково касаясь моей руки, – не сомневаюсь, Чарли много чего нравилось, но он… он уже не тот Чарли.

– Чарли… – Я с секунду смотрела на нее, а затем высвободила руку. – Я понимаю, что он теперь другой, но он ведь по-прежнему… Чарли.

Медсестра сочувственно мне улыбнулась.

– Милая, я понимаю, но нам еще кое-что нужно обсудить. Дело в том…

Мне ничего не хотелось слышать. Возможно, она собиралась рассказать мне о кормлении через трубку, а я не желала об этом и думать, потому что прекрасно знала, какой будет реакция Чарли. Знала я и то, что его родителей рядом не будет, и вообще сомневалась, что им не все равно.

Отвернувшись, я распахнула двойные двери.

И мой мир остановился.

На той самой скамейке, где я сидела несколько часов назад, теперь сидел Генри Уильямс. Сумка выскользнула у меня из руки и с громким стуком упала на пол. Я застыла на месте.

– Рокси, – прошептала сестра Вентер, – я пыталась тебе сказать, что он здесь.

Генри выпрямился во весь свой немаленький рост. Он заметно вырос с момента нашей последней встречи. Раньше он был среднего роста, может, около метра семидесяти пяти, но теперь был явно выше метра восьмидесяти.

Тюрьма его потрепала, но мне было плевать.

Его темно-каштановые волосы были подстрижены под машинку, а кожа казалась бледнее, чем раньше. Впрочем, в тюрьме не позагораешь. Из-за мешков под глазами он казался намного старше своих лет, хотя ему было всего двадцать три или двадцать четыре. А еще он был крупнее. Хоть это считается клише, похоже, за решеткой он только и делал, что тягал железо. Простая белая футболка обтягивала его широкие плечи.

Не в силах пошевелиться, я смотрела на Генри.

Он похлопал ладонями по штанинам своих брюк цвета хаки.

– Роксана, – сказал Генри, и мне показалось, будто по моей коже поползло целое полчище тараканов.

Мне хотелось выбежать из приемной, вылететь сквозь двери на улицу и уехать как можно дальше от Генри, но я не могла. Генри пришел не ко мне. Он пришел к Чарли, и я, как разъяренная медведица, встала на защиту друга, не желая этого допускать.

Я вышла из ступора и заслонила собой двойные двери.

– Тебе здесь не рады.

Генри ничуть не удивился такому приему.

– Другого я и не ожидал, – сказал он.

– Тогда зачем ты пришел? – спросила я и сжала кулаки. – Тебе здесь не место.

Он взглянул на сестру Вентер. К счастью, больше никого поблизости не было, но я понимала, что это ненадолго.

– Я знаю, – ответил он, – и не собираюсь устраивать сцен…

– Тебя вообще не должны были выпускать из тюрьмы. Сколько ты отсидел? Пять лет от силы. И теперь уже гуляешь на свободе и наслаждаешься жизнью. А Чарли все потерял! – Тяжело дыша, я покачала головой. Как же это было несправедливо! – Ты его не увидишь.

– Рокси, – тихо сказала сестра Вентер, – ты ведь понимаешь, что ты…

Я повернулась к ней.

– Так вы не возражаете? Вы на его стороне?

Мне стало горько от ее предательства. Я понимала, что веду себя глупо. Она просто делала свою работу, но отчаяние и беспомощность теперь жили собственной жизнью внутри меня. Мне было плевать на все. Я думала лишь о том, как это несправедливо по отношению к Чарли.

Медсестра сочувственно посмотрела на меня.

– Дело не в том, кто на чьей стороне, – сказала она. – Родители Чарли – его опекуны – дали разрешение на свидание. Если только Чарли не скажет, что не хочет его видеть. Да, я понимаю, как это звучит, – он имеет право на встречу.

Я была вне себя.

– Чарли уже шесть лет больше одной фразы не говорит! Как ему выразить свое несогласие? – Я повернулась лицом к Генри. – Ты знал об этом? Знал, что Чарли много лет не говорит?

Он отвернулся, стиснув зубы.

Я сделала шаг вперед.

– Что, не хочешь этого слышать? Потому что это ты во всем виноват?

– Роксана, – сказала сестра Вентер и поймала мою руку своими прохладными пальцами. – Пожалуй, тебе лучше уйти.

Вырвав руку, я чуть не разразилась потоком мерзких оскорблений и ругательств, но тут встретилась с ней глазами. Она не просто смотрела на меня, а молила смириться и выйти из медицинского центра, потому что была не в силах ничего изменить.

И я тоже.

Сделав несколько глубоких вдохов, я не почувствовала облегчения. Сдержанно кивнув сестре, я подняла свою сумку и пошла к двери. Казалось, я ступаю по зыбучим пескам. Все мое тело требовало, чтобы я не выходила из здания, но я все же покинула его. Собрав всю волю в кулак, я сумела выйти на улицу и преодолеть половину пути к припаркованной машине.

– Роксана.

У меня округлились глаза. Черт возьми, только не это. Пораженная, я оглянулась.

Генри шел прямо за мной.

– Я понимаю, ты расстроена.

– Да ты, блин, гений дедукции!

Он пропустил мою остроту мимо ушей.

– И ты вправе расстраиваться.

Глядя на него, я понимала, что сотворю какую-нибудь глупость, если не сумею как можно быстрее убраться отсюда. Это было столь же очевидно, как и то, что нависшие над городом темные, мрачные тучи вот-вот должны были разразиться дождем.

– Оставь меня в покое, – сказала я и отвернулась, крепче сжав сумку в руке.

Ускорив шаг, я обошла припаркованный фургон.

Небо пронзила молния. Раздался такой жуткий грохот, что я вздрогнула. Когда еще одна туча вспыхнула, как лампочка, я сосчитала секунды до раската грома.

А затем увидела свою машину.

Более того, я увидела другую машину, припаркованную рядом. Старый «мустанг» вишневого цвета, красавец, прямиком из семидесятых. Его номер тоже был мне знаком. Вместо цифр там были четыре буквы: «ППЛВ».

Я знала, что они значили:

«Плохие парни лучше всех.

Вот черт, это была машина Генри, та самая, на которой он ездил в школу. Отец помог ему ее восстановить. Именно на этой машине они с приятелями ездили по городу и снимали девчонок, прямо как в глупом кино.

Генри вышел из тюрьмы, после того как разрушил жизнь моего лучшего друга, и чертова машина – ненаглядная машина – его дождалась.

– Пожалуйста, дай мне всего пару секунд. О большем я и не прошу, – сказал Генри, схватив меня за руку.

И тут я взорвалась.

Ярость вспыхнула внутри меня, как лужа бензина от горящей спички. Мой разум замкнуло, здравый смысл и вовсе меня покинул. Я не думала, только чувствовала злобу, такую сильную, что она словно существовала за пределами моего тела. Сунув руку в сумку, я вытащила первую же подходящую вещь и замахнулась, как профессиональный питчер Главной бейсбольной лиги.

Тяжелая книга в твердой обложке полетела как камень – как тот камень, который разрушил жизни, – и угодила в ветровое стекло «мустанга» Генри.

Стекло разбилось.

Точно так же, как разбились наши жизни тем вечером на озере.

Глава 8

Меня преследовало ужасное дежавю.

Вроде того.

Сидя в машине, я сквозь лобовое стекло – нетронутое лобовое стекло – смотрела, как Деннис разбирается с Генри. Сейчас он был не тем недавно женившимся Деннисом, который частенько заглядывал в бар. Сейчас он был офицером

Деннисом Ханнером.

Из сотни помощников шерифа, работавших в этом округе, на вызов, конечно же, приехал тот, который меня знал. Еще бы. Так ведь всегда и бывало.

Ох.

Мне оставалось лишь гадать, вызвал ли бы Генри полицию, после того как я разбила его ветровое стекло, потому что ему не представилось такого шанса. Я выбрала идеальный момент для броска – как только «Новолуние» преодолело звуковой барьер и пробило стекло, из одной машины вышли пожилые супруги, приехавшие кого-то навестить. Они не только вызвали полицию, но и встали перед моей машиной и не сдвигались с места, словно опасаясь, что я сбегу, не дождавшись появления офицера Ханнера.

Очевидно, я попала в удачное место. Или, наоборот, в неудачное. Так как стекла в машинах обычно бывают армированными, я угодила книгой прямиком в единственное слабое место. А может, я просто была мутантом, который может превращать книги в орудия разрушения лобовых стекол.

Потом пошел дождь, и Деннис – нет, офицер Ханнер – так сердито посмотрел на меня, словно хотел схватить за щиколотки и хорошенько встряхнуть, чтобы я набралась хоть немного ума. Мы вымокли до нитки, хотя он и надел свой пластиковый дождевик.

Теперь на меня смотрели и Генри, и офицер Ханнер.

Зажмурившись, я уронила голову на руль. Какой же я была… идиоткой, импульсивной, безответственной идиоткой. О чем я думала? Я поверить не могла, что действительно это сделала. Да уж, характер у меня не сахар. Его я, кстати, тоже унаследовала от мамы. Но раньше я не занималась вандализмом. Мне было ужасно стыдно, из-за чего я сидела как на иголках.

Чем отличался мой поступок от поступка Генри? Да, я никого не покалечила, но вышла из себя и среагировала жестоко и глупо.

Это сравнение меня покоробило, и я содрогнулась всем телом.

Пассажирская дверца вдруг открылась, и я откинулась на спинку сиденья. Огромными глазами я посмотрела на Денниса, который сел рядом со мной. Снова выглянув на улицу, я заметила, что Генри ушел. Исчез и «мустанг». Я неохотно повернулась обратно к Деннису.

Он снял капюшон желтого пластикового плаща.

– Рокси, о чем ты думала?

Я открыла рот.

– Не отвечай, – отрезал он, потирая рукой подбородок. – Я и так знаю. Ты вообще ни о чем не думала.

Я закрыла рот на замок.

– Поверить не могу. Уж ты-то должна понимать, что подобного лучше не делать.

Уставившись на руль, я поджала губы и кивнула. Я это понимала.

– Тебе чертовски повезло, – продолжил он. – Генри не будет выдвигать обвинение.

– Что? – удивленно переспросила я, поворачиваясь к нему.

Покачав головой, Деннис посмотрел в окно.

– Он решил не выдвигать обвинение. И это отлично, ведь мне вовсе не хочется объяснять Рису, почему мне пришлось тебя арестовать.

О боже, Рис.

– И разбираться с твоими родителями тоже не хочется, они ведь будут просто счастливы узнать, что натворила их дочь, – добавил он, не скрывая сарказма. Что и говорить, я это заслужила. – Но тебе придется заплатить за скорейшую починку этого стекла. Поняла?

– Да, – тотчас выпалила я. – Я заплачу, как только назовут сумму.

Повисла пауза.

– Генри оценит ущерб и сообщит мне сумму, – наконец сказал Деннис. – Пожалуй, лучше, чтобы вы общались через меня.

Согласна на сто процентов.

– Деннис, я… Мне очень жаль. Я не подумала. Я просто так разозлилась, что он сюда приехал, а потом он схватил меня за руку…

– Он сказал, что схватил тебя за руку прямо перед тем, как ты бросила книгу, – подтвердил Деннис. – Кстати, я раньше не видел, чтобы книга пробивала ветровое стекло, так что спасибо за это зрелище. Но по его словам я не понял, что это было агрессивное действие. Ты тоже об этом не упомянула, когда я приехал. Я чего-то не знаю?

– Никакой агрессии не было. Он хотел поговорить. Я говорить не хотела.

– И это твое право, Рокси. Ты не обязана с ним говорить, – заверил меня Деннис. – Но ты не вправе наносить ущерб его собственности.

– Знаю, – прошептала я.

Деннис искоса посмотрел на меня.

– Меня здесь не было, когда с Чарли случилась беда. Черт, да я вообще жил в другом штате, но слухи и до меня доходили. Я знаю, что случилось. Будь решение за мной, этот мерзавец до сих пор сидел бы за решеткой. Но решать не мне. – Он повернулся ко мне на тесном сиденье. – Я понимаю, паршиво, что он вышел на свободу и получил разрешение сюда приехать, но, девочка, ты должна взять себя в руки. Ты не вправе творить такую фигню. От этого никому не легче, особенно тебе самой.

Я смотрела на него.

– Понимаешь меня? – спросил он.

– Понимаю.

Не стоит и говорить, что я опоздала на работу, и это было хреново, потому что я еще и не успела сделать дизайн-проект для одного блогера, хотя собиралась закончить его перед сменой. Ночь обещала быть долгой, потому что теперь работать над ним предстояло по возвращении домой.

Как ни странно, Джекс еще не знал о моем могучем броске, а когда я все ему рассказала, поймал меня за край футболки с надписью «Ходячие тоже просят любви» и утянул в тихий коридор. Я тотчас поняла, что меня ждет вторая за вечер нотация.

– Черт, подруга, о чем ты думала? – спросил он.

– Я вообще ни о чем не думала, – ответила я. – В том-то и проблема. Я просто так разозлилась, что перестала думать.

Он смотрел на меня с удивлением.

– Так себе отговорка.

Я чуть не тряслась от раздражения.

– Знаю! Поверь мне, я все понимаю и заплачу за ремонт.

– Рокси…

Наклонив голову, я скрестила руки на груди. Весь день я стыдилась своего поступка. Жалости к себе у меня не было. Я просто чувствовала себя редкостной гадиной. Меня не посещало это чувство с того самого момента, когда я в последний раз обманула хозяина своей квартиры, задерживая арендную плату.

И снова мне захотелось напиться на работе.

– Что ж, в этом есть хотя бы один плюс, – сказал Джекс и поднял мне голову. – Теперь мы знаем, что бросок у тебя сумасшедший.

Я закатила глаза и усмехнулась.

– Так случается, когда растешь с двумя братьями, – заметила я.

– Точно. Ты уже сказала родителям?

– Нет. Оставлю это на завтра.

– Что ж, удачи.

– Спасибо, – со вздохом ответила я.

Покачав головой, он показал на закрытую дверь в офис.

– Кстати, там тебя кое-что ожидает.

– Правда?

– Ага, – улыбнулся он. – После такого денька сюрприз тебя точно порадует. Посмотри и возвращайся за стойку.

– Есть, сэр! – Я шутливо отдала ему честь, но Джекс лишь отмахнулся.

Опоздав, я прошла сразу за стойку и положила сумочку там, а потому еще не заходила в офис. Теперь я открыла дверь и остолбенела.

– Это еще что… – пробормотала я.

Не может быть, что Джекс имел в виду цветы, которые стояли на столе. Я осмотрела маленькую комнату. Больше ничего в глаза не бросалось. Диван стоял на месте. У стены были шкафы для бумаг. На столе – миска с арахисом, возможно, уже залежалым.

Я снова взглянула на цветы.

В вазе стояло больше дюжины свежих ярко-малиновых роз. Приблизившись к столу, я почувствовала их тонкий аромат. Среди веточек гипсофилы торчал квадратный конверт, на котором было четко выведено мое имя. Затрепетав от радости, я осторожно вытащила его и раскрыла.

«Следующий раз будет лучше».

Я нахмурила брови. Что-что? Я перевернула карточку. Подписи не было. Снова прочитав послание, я улыбнулась. Должно быть, цветы прислал Рис. Сообщение показалось мне немного странным, но букет точно был от него.

Зажав изящную открытку в кулаке, я прикусила губу. Обычно Рис не работал по пятницам – по крайней мере, я так думала. Уследить за его графиком было непросто. Он заходил в бар в среду, и мы болтали, но он больше не говорил о том, что хочет быть мне не просто другом, а я тоже не поднимала эту тему, потому что не знала, как себя вести.

Точнее, идей на этот счет у меня было достаточно. Многие из них предполагали, что нам стоит раздеться и вместе заняться сексуальной йогой, но все упиралось в банальную проблему: я просто не представляла, как это – желать кого-то много лет и наконец его получить.

Может, стоило написать ему о розах?

По-дурацки улыбаясь, я сунула карточку в задний карман джинсов и вернулась за стойку. Пока меня не было, выстроилась немаленькая очередь, и бедная Перл носилась по залу как угорелая.

Несколько часов пролетело незаметно, не дав мне ни единого шанса вытащить телефон. Когда толпа немного поредела, я использовала драгоценный момент затишья, чтобы собрать волосы в хвост и выпить стакан колы.

Дверь снова открылась, и до меня донесся запах летнего дождя. Я обернулась.

Сердце подпрыгнуло у меня в груди.

В бар вошел Рис. Каштановые волосы прилипли ко лбу и немного завились на кончиках. Капли дождя каскадом падали с его висков на рубашку. Когда он поднял руку и провел ладонью по волосам, убирая влажные пряди со лба, я подумала о Посейдоне, выходящем из морской пучины.

Чистый секс.

Рис повернулся, и наши взгляды встретились. Он прошел по залу, обогнул стойку и подошел прямо ко мне, ни на секунду не отводя от меня глаз.

– Понял, – бросил Ник и сделал шаг в сторону, пока Рис не сбил его с ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-armentrout/vlyubis-v-menya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить